

Пушкин и мір с царями. Книга первая

Вячеслав Орлов

Вячеслав Орлов

**Пушкин и мір с
царями. Книга первая**

«Автор»

2026

Орлов В. Н.

Пушкин и мир с царями. Книга первая / В. Н. Орлов — «Автор»,
2026

Книга представляет из себя духовную биографию Пушкина - единственную в этом роде во всём отечественном пушкиноведении.

© Орлов В. Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
КНИГА ПЕРВАЯ.	6
РАСКРЫТИЕ.	6
Предисловие.	7
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.	8
ВОСХОД.	8
Глава первая.	9
Глава вторая.	24
Глава третья.	31
Глава четвёртая.	43
Глава пятая.	52
Глава шестая.	56
Глава седьмая.	64
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Вячеслав Орлов

Пушкин и мир с царями. Книга первая

Глава

Дочери Ирине и внучке Марии

«С любовью о Пушкине, и с такой же любовью – о тех, кто его окружал» – вот основная тема этой интереснейшей книги. Можно уверенно сказать, что до сих пор никто в подобном разрезе не подходил к изучению биографии великого поэта, а в особенности – в плане его отношений с высшей властью и с её непосредственными носителями – русскими царями. Очень глубоко в книге описана история отношений Пушкина с женщинами, встреченными им в жизни, в книге раскрыта тайна утаённой любви поэта, и конечно же, в ней много говорится о творчестве поэта. Любителей пушкинской поэзии на страницах книги ждёт немало интереснейших литературоведческих и иных открытий.

КНИГА ПЕРВАЯ.

РАСКРЫТИЕ.

Предисловие.

Дорогой читатель! Эта книга называется «Пушкин и мир с царями». Почему так? Почему «Пушкин»? Потому, что книга посвящена жизни и творчеству нашего гениального поэта. Почему «мир»? Потому, что Пушкин не жил в ограниченном безвоздушном пространстве, а жил, как всякий человек, в окружающем его мире в физическом смысле этого слова, и в «мире» в смысле общественном. Напомню, что старорусское слово «мир» как раз и подразумевает конкретное человеческое общество в определённое время и в определённом измерении, и говорить о судьбе великого поэта в отрыве от «мира», его окружающего, просто невозможно. Почему «с царями»? Потому что царь, народный правитель, так или иначе, в концентрированном виде выражает движение общества и страны в целом, их статику и динамику. Царское место – краеугольный камень, на котором сходятся прошлое, настоящее и будущее любой страны, и личность, на этом камне волею судеб находящаяся, не может не вызывать пристального интереса, и не может не влиять на судьбу великого поэта, вписанного в судьбы «мира» и родины.

О Пушкине и без нас уже написано огромное множество книг. В этих книгах собрано огромное количество разных фактов, касающихся жизни и творчества гениального поэта, его отношений с разными людьми, окружавшими и просто знавшими его, его отношений с верховной властью, то есть – с царями. Многие из книг, посвящённых Пушкину, замечательны по своему содержанию, но в подавляющем большинстве случаев они страдают одним недостатком – хорошими в этих книгах называются люди, помогавшие Пушкину, либо одобрявшие его, а плохими – люди, не соглашавшиеся с Пушкиным, или препятствовавшие ему. Но ведь в жизни на самом деле всё обстоит гораздо сложнее! В жизни нет однозначности и твёрдой заданности, ни один человек однозначно не плох, и ни один человек однозначно не хорош, это касается и самого Пушкина, и тех, кто его окружал.

В этой книге сделана попытка гармонизировать описание мира, в котором жил Пушкин, сделать видение этого мира более вдумчивым и ровным, и потому эта работа ещё названа автором книгой жизни – имеется в виду жизнь конкретного русского человека на широком русском фоне.

Разговор о Пушкине, который мы будем тут вести – это разговор с позиций сегодняшнего времени, разговор из двадцать первого века. Описываемые нами события происходили двести лет назад, и мы можем смотреть на них с точки зрения исторической перспективы, видя их, эти события, встроенными в предыдущую и последующую русскую историю. Это дарит нам дополнительные возможности, которыми мы просто обязаны воспользоваться, и мы воспользуемся ими. Я приглашаю Вас обратиться к линии судьбы нашего выдающегося соотечественника, реальная жизнь которого была интереснее и поучительнее любого выдуманного психологического романа!

Хочу выразить глубочайшую благодарность пушкинистам всех поколений и всем деятелям русской исторической науки и мысли, без которых эта книга была бы невозможной – она построена на фактах, кропотливо собранных многими замечательными людьми и полна их же мыслями, но в ней есть и немало важных мыслей, принадлежащих самому автору – иначе книга была бы вторичной и бессодержательной, а она, смеем надеяться, не такова, и сулит потенциальному читателю некую душевную и умственную прибыль.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ВОСХОД.

Глава первая.

И дней и лет былых движенье,

И колыбельных духов рой...

С чего обычно начинаются биографии? С рождения героя. Не будем изменять общему правилу и мы: наш герой, гениальный русский поэт Александр Сергеевич Пушкин родился 26 мая 1799 года (по старому стилю) в Москве, на её тогдашней окраине, в Немецкой слободе, в семье чиновника Московского комиссариата Сергея Львовича Пушкина и его жены, Надежды Осиповны, урождённой Ганнибал.

Пушкин родился вторым ребёнком в семье. Второй ребёнок – не первый. Свежесть восприятия родителей ко времени появления на свет второго ребёнка обычно надёжно поглощена первенцем, и хотя первой в семье Пушкиных родилась девочка, Ольга, а отец поэта, как и все мужчины на свете, безусловно мечтал о наследнике, общего для большинства человеческих семейств порядка явления родительских чувств это не нарушило. Умиление по поводу первых в пушкинской семье детских шагов, по поводу первых детских слов – всё это было по адресу Ольги, старшей сестры Александра, хотя, безусловно, свою долю родительских восторгов и он тоже получил. Заметим тут же, что потеря без приобретений не бывает – первый ребёнок обычно принимает на себя весь жар первичных родительских воспитательных устремлений, и на долю каждого следующего ребёнка энергии этих устремлений приходится всё меньше. Детская жизнь в этом случае становится немного легче, и побезответственнее – насколько это хорошо в каждом конкретном случае, мы обсуждать не будем.

Через два года после рождения Александра в семье родился ещё один мальчик, Николай и внимание родителей естественным образом обратилось на нового малыша. Таким образом, положение Пушкина в семье в пору его детства почти никогда не давало ему возможности находиться в центре общего внимания. По этому поводу он в свои первоначальные годы вряд ли сильно расстраивался – маленький Саша был неповоротливым и не очень аккуратным увальнем, и это временами сильно раздражало его мать, живую и впечатлительную женщину.

Но прежде, чем мы с Вами продолжим и разовьём тему раннего детства Пушкина, нам нужно поговорить о его семье и об общей жизненной обстановке дворянского сословия тех лет.

Родители Пушкина приходились друг другу дальними родственниками – Надежда Осиповна была троюродной племянницей Сергея Львовича. Брак их был, видимо, заключён по любви – знатокам пушкинской истории ничего не известно о жестоких размолвках и глобальных ссорах между родителями поэта, ничего не известно и о том, чтобы кто-то из них друг другу изменял. Сразу отметим, что характер у Надежды Осиповны был весьма своеобразный – она могла очень долго обижаться на родных по какой-либо причине, неделями отмалчиваться по поводу этой своей обиды, а иногда могла, что называется, «выразить чувства», и проявить во время этого выражения свою горячую африканскую кровь – ведь на четверть она была настоящей африканкой, внучкой Абрама Петровича Ганнибала, сподвижника императора Петра Великого. Ветер истории в начале восемнадцатого века занёс Ганнибала в Россию, но вопреки расхожему мнению, он не был захудалым арапчонком, а принадлежал к владетельному эфиопскому княжескому роду. В России благодаря протекции

6

Петра Великого он сделал хорошую военную карьеру, что в дальнейшем вполне позволяло его наследникам не чувствовать себя ущербными в дворянском сообществе.

Отец Сергея Львовича Лев Александрович, имел характер героический, и без особых церемоний распоряжался судьбами двух своих жён – об этом неплохо написано у самого Пушкина в его недописанной биографии. Сергей Львович Пушкин, рождённый во втором браке Льва Александровича с девицей Чичериной, не унаследовал деспотический образ мышления своего родителя. На счастье Надежды Осиповны характер он имел лёгкий, и это, видимо, помогало ему обходить острые углы в отношениях с женой, которую многие в обществе считали красавицей.

Сергей Львович по воле своего отца получил домашнее образование по моде того времени, его учителями были заезжие иностранцы, в первую очередь – французы. С Сергеем Львовичем по мере его обучения происходило то же, что происходило с большинством его сверстников в дворянской среде – постепенно взрослея, они в своей массе формировали слой, катастрофически оторванный от основ общенародного бытия. Начало этого процесса обычно связывают с царствованием Петра Первого, но реформы Петра возникли не на пустом месте. Идеи изысканного комфорта и красивой утончённой жизни начали проникать в Россию из Европы гораздо раньше и уже при отце Петра, царе Алексее Михайловиче, в Москве в кругах высшего дворянства было немало людей, увлечённых мечтой о европеизации жизни аристократического слоя русского общества. Лучшие русские умы при этом ещё и желали пересадить на русскую почву технологические достижения западного мира, но эта часть программ внедрения европейского влияния на наши реалии тогда, как, впрочем, и сейчас, не имела никакого серьёзного успеха. Иное дело – так сказать, культурно-эстетическая программа, программа расширения всякого рода чувственных наслаждений – тут почти всё и почти всегда перенималось нами легко и быстро.

К примеру, при том же Алексее Михайловиче в Москве была предпринята попытка организации нескольких товарных производств на западный манер, и тогда же при царском дворе начали организовывать первые театрализованные представления. Так вот, предприятия умерли, едва зародившись, а театральные представления остались, и вызывали в высшем обществе неизменный интерес, то есть, технологи оказались не востребованными, а вот актёрствующее сословие получило активную поддержку в своих делах. Это Вам ничего не напоминает?

Пётр Первый совершил грандиозную попытку внедрения европейских промышленных подходов в русскую жизнь, но из этого тоже, вопреки установившемуся мнению, в конечном итоге почти ничего не вышло. Структура экономического, политического и социального устройства русского послепетровского общества перемолола петровские новации таким образом, что от них через десяток лет почти ничего не осталось. Мастерские люди не получили возможности преобразовывать свою мастеровитость в доходные дела, мануфактуры должным образом не заработали, а наспех построенный из невыдержанного дерева флот через несколько лет после смерти Петра просто сгнил, не выходя в море из гавани.

Но Санкт-Петербург остался стоять на выбранном Петром месте. Окно в Европу было прорублено, и уже никто не собирался снова делать на его месте глухую стену. Дворянству понравились новый стиль отношений в привилегированном обществе, новые манеры, новые дома, новая одежда – дворянству понравился новый образ жизни вообще, и образ этот со времени вступления Петра Великого на престол только закреплялся и развивался в

7

своеобразном для России направлении.

Возьмём, к примеру, изучение иностранных языков дворянскими детьми. Первоначально это дело наткнулось на стену глухого сопротивления их родителей – действительно, что могло сулить молодому человеку знание немецкого языка? Отправку на учёбу куда-нибудь в Гол-

ландию, для того, чтобы научиться там читать корабельные чертежи или освоить технологию какого-нибудь медного литья? Но что может делать отпрыск княжеского рода на верфи или в какой-то грязной мастерской? А для чего иностранный язык знатной девушке? С какими такими иностранцами ей стоит иметь дело? С людьми без роду и племени, снующими в чужой стране там и сям, и готовыми едва ли не на всё ради одного только заработка? Стоит ли связываться с такими людьми вообще?

Время, однако, стремительно менялось. К периоду воцарения на престоле дочери Петра Елизаветы в высшем дворянском обществе вполне укрепились европейские воззрения на внешний стиль поведения и отношений, но всякий стиль нуждается в некоем эталоне. Столь милая сердцу Петра немецкая и голландская стилистика постепенно уступала в глазах русской аристократии стилистике французской, что вполне объяснимо. Мода на немецкую пунктуальность, размеренность, аккуратность, сдержанность и расчётливую экономность имела немного шансов привиться на русском дворянском дереве. Она в конечном итоге и не привилась, хотя богатейшие связи с немецким миром в силу его относительной близости постоянно развивались и расширялись. Этому кардинально не смогла помешать даже Семилетняя война, развернувшаяся в Европе в середине восемнадцатого века и поставившая Россию и Пруссию по разные стороны линии фронта. Что же касается моды на особенно красивое обращение мужчин и женщин, на утончённые предметы быта, на театральные представления, на литературу, на музыку – здесь с французским влиянием на русские умы ничто не могло сравниться.

Царствование Елизаветы Петровны однозначно становится началом эпохи франкофильства в нашей стране. С этого времени молодой человек, не знающий французского языка, рискует быть осмеянным в любом более или менее приличном столичном собрании. Отсюда, в конечном итоге, было уже и не далеко до того, чтобы без модного вида не остаться без места в важном государственном заведении, а значит – без чинов, званий и наград. Ну, хорошо, если у молодого человека есть немалое наследное состояние – тогда Бог с ними, с наградами, а если богатого наследства нет? Надо же как-то пробиваться в свете, а как пробиваться, если ты не выглядишь так, как должен выглядеть? А не лучше ли при этом быть немного виднее остальных? О девушках тут и говорить нечего – для своего устройства в жизни молодая особа в первую очередь должна уметь произвести впечатление, а для этого она должна быть правильно и красиво одета, и должна уметь правильно говорить правильные и приличные месту вещи. Не будем здесь распространяться о женской красоте и своеобразии личности – если девушка будет не так одета и будет делать не то, что нужно, то никакая красота и никакое своеобразие её уже не спасут – так ведь и до сих пор, и это все понимают.

Чтобы тебя окружали чужеземные вещи, их надо было привезти, и их в Россию повезли. Чтобы отцы и дети заговорили на чужеземном языке, нужны были учителя, и их тоже повезли оттуда же, откуда повезли и вещи. Если первые иностранные учителя массово поехали в Россию ещё при императрице Анне Иоанновне, и среди них преобладали немцы, англичане и итальянцы, то с середины 1750-х годов, ближе к концу правления Елизаветы Петровны, наиболее

8

востребованными оказались французы.

Для того чтобы быть учителем, или «гувернёром», как называли тогда этих людей, зачастую никакого образования не требовалось. Гувернёр должен был преподавать язык, и больше от него ничего не ожидали. Отношение к гувернёрам со стороны приглашавших их русских дворян было соответственным – гувернёры были для них родом обслуги, не более. Можно не сомневаться в том, что сами гувернёры при этом полагали о себе нечто большее, поскольку видели себя носителями цивилизованности в полуварварском мире, и это временами порождало конфликтные ситуации, решавшиеся впрочем, по подавляющему большинству случаев, не в пользу гувернёров.

Один из таких случаев произошёл и в семье Льва Александровича, деда поэта, который заподозрил учителя одного из своих детей от первого брака в связи со своей же первой женой. Гувернёра дед поэта, по словам Пушкина, «весьма феодально повесил на черном дворе». Виновница происшествия, по семейному преданию, в наказание была посажена на солому в домашнюю тюрьму, где и умерла. По другой версии этого события учитель не совсем справедливо пострадал от двоих братьев Пушкиных, искал правды в государственных учреждениях, но дело закончилось для него ничем.

Со временем требования к гувернёрам росли. К концу восемнадцатого века они были обязаны либо иметь дипломы об университетском образовании, полученные у себя на родине, либо должны были получать аттестаты базовых российских учебных учреждений. Это был процесс, в чём-то напоминающий нашу современную сертификацию, за нарушение правил которой полагались немалые штрафы.

Качество домашнего обучения от этих требований безусловно выиграло, но Франция второй половины восемнадцатого века была средоточием антиклерикальной, антицерковной и антимонархической мысли. Французские учителя в очень большом количестве прибывавшие в Россию осознанно или неосознанно прививали своим ученикам наряду со знанием французского языка нюансы, а иногда – и основы своего мировосприятия. Что говорить о преподавании в какой-нибудь средней дворянской семье, если наследников престола, великих князей Александра и Константина учил швейцарский республиканец Лагарп? Не будем тут драматизировать ситуацию при звучании слова «республиканец» – Лагарп был весьма достойной фигурой, способной позитивно влиять на своих воспитанников, но согласитесь, – есть во всём этом некая ирония: убеждённый в своих воззрениях республиканец учит жизни императорских детей. В результате этого процесса под его влиянием наследник престола не просто приходит к мысли о необходимости реформ в государстве, но начинает мечтать о таких преобразованиях, в итоге которых он сможет, предварительно изменив свою страну, дальше жить в ней в качестве простого свободного гражданина. Немного странновато? Пожалуй, но именно эта утопия под влиянием Лагарпа возникла в голове у Александра Павловича, будущего императора, и надолго овладела им. Понятно, что Лагарпы учили не всех, но рассказы гувернёров своим воспитанникам о том, как в просвещённой Европе люди относятся к монархии и к церкви, как они предпочитают там проводить свободное время, какие книги им нравятся, а какие – нет, – эти рассказы не могли не влиять на умы и мировосприятие подрастающих молодых дворян.

У тогдашней дворянской молодёжи, как, впрочем, и у их родителей вполне хватало времени на проникновение в соблазнительную сферу познания приятных плодов европейского Просвещения. 18 февраля 1762 года император Пётр Третий подписал «Манифест о вольности дворянства». На основании этого

9

манифеста российские дворяне получали право освобождения от обязательной государственной военной или гражданской службы, и с этого времени дворяне были обязаны появляться на службе только в случае начала войны. Сбылась многовековая мечта русского дворянства – оно сохранило полностью свои владетельные права над крестьянами и землями, и в то же время было почти полностью избавлено от всевозможных тягот государственной службы. Напомним, что изначально поместья предоставлялись дворянину великим князем или впоследствии – царём для того, чтобы он имел достаточные материальные средства для выполнения своих служебных обязанностей. Об этом знали и крестьяне, и мирились с таким положением вещей, понимая дело таким образом, что они, ущемляя себя, служат помещику, а помещик неким похожим образом ущемляя себя, служит царю. Этот общественный договор худо-бедно держался в народном сознании, и проработал несколько столетий, но его условия постоянно менялись в сторону утяжеления положения крестьянской массы, и в сторону облегчения положения господствующего сословия. Дворяне постепенно почти полностью забыли о том, как они

получали свои земли, они уверенно считали их своими, а не когда-то дарованными временно за верную службу. Это понятие крепко укоренилось в их сознании, и правитель, посягающий на этот их взгляд, с определённого момента мог жестоко поплатиться за своё посягательство и трон, и жизнью. Постепенно наступало время, когда с точки зрения немалого числа дворян, кто-то должен был просто закрепить сложившееся положение вещей. Этим кем-то и стал Пётр Третий – слабый правитель, желавший получить единогласную поддержку привилегированного сообщества. Он дал дворянам такую желанную для них материальную и до определённой степени – политическую свободу, но по иронии судьбы поддержки от них в нужный для него момент не получил.

Его жена, его ниспровергательница, и его наследница на троне Екатерина Вторая не стала лишать дворян полученных ими вольностей. У этой царицы кроме многих её выдающихся качеств был отлично развит и инстинкт самосохранения. Так, в 1785 году она издала «Жалованную грамоту дворянству», в которой подтверждались основные положения манифеста её предшественника. Дворяне могли окончательно успокоиться – никто не посягал на их полученные не вполне честным образом права.

А оппонент у дворян был! Этим оппонентом являлось русское крепостное крестьянство. Указ Петра Третьего породил у крестьян вполне обоснованные надежды на освобождение от крепостной зависимости и на перемену земельных прав – ведь если помещик в определённый момент времени освобождается от обязательной службы царю, значит, крестьянин в следующий момент времени должен освобождаться от службы помещику, а вслед за этим должен логически следовать передел земли. Но крестьянским надеждам не суждено было сбыться – на вершине государственной лестницы никто о простонародном интересе в связи с освобождением дворян и не помышлял. Народные чаяния были обречены воплотиться в какой-то другой форме, они и воплотились в форме пугачёвского восстания, которое хорошо напугало, но, мало чему научило правящее в России сословие.

О морали взаимоотношений между крупнейшими классами русского общества в тот период мы не можем говорить без глубокой печали. Нравится это кому-то, или не нравится, но носительницей глубинных основ человеческой морали в христианском обществе является церковь. Положение церкви в нашем государстве на протяжении всего восемнадцатого века, начиная с правления Петра Первого, было драматичным. Пётр лишил Русскую православную церковь

10

патриаршества. Вместо патриарха церковью стал руководить Святейший правительствующий синод во главе с Ober-прокурором, назначаемым по воле императора. С упразднением патриаршества Русская православная церковь, и так очень зависимая от воли действующей власти, потеряла остатки самоуправления и фактически превратилась в отрасль государственного аппарата. Священники, по сути, превратились в мелких чиновников, получающих от государства заработную плату и обязанных отчитываться перед соответствующими органами за свою деятельность.

При Екатерине Второй была произведена крупнейшая экспроприация церковных земель, и было закрыто множество монастырей. Эти и другие государственные мероприятия сильно ослабили церковь, как организацию. Специфическое простонародное понимание государства, как аппарата подавления, в этих условиях стало медленно, но неотвратимо распространяться и на церковь. Традиционное чистое восприятие православной церкви, как носительницы вечных моральных устоев и истин, постепенно замутнялось. Почти тотальная неграмотность крестьян в этой ситуации только усугубляла дело. Да что говорить о крестьянах, если и сами священники очень часто были малообразованы, плохо подготовлены к исполнению своих обязанностей, не любили и не хотели заниматься проповедью христианских истин с амвона и в быту, чему было и своё простое объяснение – за активную проповедь истинных человеческих ценностей свя-

ценник всегда может сурово поплатиться от того, от кого он зависит материально и социально – так было раньше, так продолжается и до сих пор.

В России восемнадцатого века не существовало перевода Евангелия и других книг Священного Писания на общеупотребительный русский язык, то есть, даже образованный или просто грамотный русский человек не мог пойти и купить книгу духовного содержания на понятном ему языке для того, чтобы с пользой для себя прочесть её. Это было попросту невозможно сделать, а церковнославянский текст, на котором были написаны тогдашние духовные книги, и есть, и всегда был специфичен по содержанию, и неподготовленному уму не так-то легко вникнуть в его структуру.

На счастье России, вопреки обозначенным нами негативным общественным духовным тенденциям, крестьяне, в силу традиционности своего жизненного уклада, всё-таки в своей основной массе сохраняли приверженность православным христианским ценностям, нередко смешивая их в силу неграмотности и забитости с многочисленными бытовыми суевериями, что, заметим, было не так уж страшно, хотя и не приятно для духовных пастырей нашего народа.

А вот что касается дворянского сословия, здесь всё выглядело значительно печальнее. Начнём с того, что труднее всего искренне обратиться к Богу богатому и нищему. Нищий – это очень часто разочарованный в жизни человек, критический неудачник (не будем здесь говорить о добровольных нищих, выбравших нищенство, как стезю познания высших истин – количество этих людей ничтожно). Нищему трудно признать справедливость происходящих с ним несчастий, и от того ему трудно обратиться к Богу, как к носителю идей высшей справедливости. У человека богатого проблемы иного рода. Его дела идут хорошо, он ни в чём не нуждается, а если нуждается, то нужды эти из разряда забот «у кого суп редок, а у кого – жемчуг мелок». Богатство очень часто обретается на путях несправедливости, презрения к элементарным потребностям окружающих. Признание высших духовных истин в качестве основного жизненного ориентира грозит богатому человеку серьёзным разрушением многочисленных

11

опор его существования, а если источники богатства такого человека откровенно несправедливы, то он просто обязан отказаться как минимум от пополнения своих доходов антидуховным способом. Много ли найдётся на белом свете людей, готовых поменять хорошо устроенный материальный быт на абстрактные моральные достижения?

Любая личность, совершающая любые поступки, нуждается в их оправдании. Не очень моральный человек, совершающий не вполне моральные деяния, нуждается в их оправдании вдвойне, и простого самооправдания ему будет мало. Значительная часть русского дворянского общества с великим удовольствием восприняла европейские культурные ценности, и преобладающая часть этих ценностей во второй половине девятнадцатого века поступила в Россию во французском варианте их исполнения. Вместе с французским языком в русские дворянские дома пришли и французские книги. Вольтер, Лакло, Кребийон, Парни и многие другие авторы привлекли к себе внимание читающей публики, которой было, может быть, и не так уж много в количественном выражении, но которая определяла главные приоритеты общественных вкусов. Люди с противоположными приоритетами в обществе тоже были, и были в немалом количестве, но организованно сопротивляться новым тенденциям эти люди не могли – по разным причинам, в том числе и потому, что это было как-то неудобно. Так примерно бывает во дворе, где два-три хулиганистых мальчишки определяют стиль поведения и оценок, а остальные, более спокойные и воспитанные, не могут проявить свои позитивные наклонности, не рискуя быть при этом осмеянными.

Французская литература была сильнейшим проводником французских нравов и пропагандировала галантное отношение мужчин к женщинам, обходительность в общении, красоту отношений – это с одной стороны, а с другой стороны она была сильнейшим проповедни-

ком распушенности нравов – под маской юмора, утончённых психологических ходов и внешней элегантности поступков героев литературных произведений. Книги французских авторов будили воображение читателей и всячески направляли его в сторону чувственных удовольствий. Довольно часто эти, весьма фривольные по содержанию книги, заканчивались какими-то морализаторскими рассуждениями, но читатель чувствовал, что мораль эта приплетена к основному содержанию книги из неких подцензурных причин, что не будь в книге этой пристёгнутой к ней морали, книгу могли бы просто не выпустить в свет – Франция того времени всё-таки не была исчадием ада, и там тоже работали механизмы соблюдения общественной нравственности, с которыми самые свободные тамошние писатели обязаны были считаться.

Французская литература заменила русскому дворянству духовное чтение и её чувственный и материальный дух серьёзнейшим образом сказался на мировоззрении нашего привилегированного сообщества. Из французских книг русские дворяне получили лёгкое и приятное обоснование принципов своей комфортной жизни, Французские писатели рассказали русским читателям о многочисленных нестыковках в Библии и о нереальности многих описываемых там событий. В тех же книгах много говорилось о жадных аббатах, с удовольствием обманывающих доверчивую публику насчёт существования Христа, и наживающих на этом немалые состояния. Просвещённому русскому читателю в этом случае ничего не стоило перенести образ французского аббата на образ русского протоиерея, а лучше – игумена, и довершить таким образом в своей голове нехитрое умственное действие. Оказывалось, что Бога-то, возможно, и нету! Оказывалось, что Бог-то, возможно, придуман хитрыми людьми для извлечения материальной выгоды и для управления другими людьми!

И вот тут перед человеком мыслящим вставали серьёзные вопросы. Если Бог

12

выдуман – значит веровать в него совершенно не обязательно и можно устраивать свою личную жизнь не на принципах, которые проповедуются в церкви, а на каких-то других принципах – на принципах личной выгоды, на принципах личного достоинства, может быть, на принципах совести, общественной этики или чего-либо другого. Но как в таком случае быть с обществом, не с дворянским обществом, а с обществом в целом, с крестьянами, ремесленниками, мещанами, купцами и купчишками, солдатами и матросами? На каких основаниях тогда организовывать их мировоззрение, чтобы они при этом оставались управляемыми добропорядочными гражданами?

Получается, что без религии в этом случае обойтись всё-таки было никак нельзя! Только религия идеально позволяет удержать людей в подчинении высшим властям, проповедуя с одной стороны идеи необходимости и неизбежности подчинения одних людей другим, а с другой стороны – обещая угнетённым и страдающим от этого людям полное благоденствие в ином светлом мире, и к тому же – в относительно недалёком будущем. При этом все религиозные обещания идеально оформлены для восприятия в любом возрасте и в любом социальном положении. Может ли правящий класс отказаться от такого могущественного, тысячелетиями проверенного механизма управления? Никогда! По этой причине русское просвещённое дворянство, как, впрочем, и любой другой правящий класс, не собиралось отказываться от внешней религиозной атрибутики.

Если говорить более конкретно, барин для более удобного управления своими крестьянами просто обязан был иметь либо суровый, то есть, справедливый, или человеколюбивый вид. И справедливость, и человеколюбие удобней всего было увязывать с какой-то церковной личиной, с какими-то доступными простым людям понятиями, а для этого и сам барин должен был уметь правильно перекреститься, и правильно в церковь войти, и правильное слово, к православной вере привязанное, сказать. Знание церковных и общехристианских основ в этих условиях продолжало оставаться важнейшим элементом управления людьми, а большинство дворян были помещиками, то есть, природными профессиональными управленцами, и

азы церковной науки при любом личном к ней отношении становились залогом сохранения их общественного положения.

Таким образом, значимая часть просвещённого дворянства под влиянием своего образа жизни и привнесённых в него европейских воззрений усомнилась, если не сказать больше, в принципах христианского вероучения, но при этом сочла необходимым и далее пропагандировать это вероучение в подчинённом ему народе для сохранения выгод своего состояния.

Что же из этого следует? Из этого следует то, что подобным отношением к духовным приоритетам весомая часть русского дворянства ввела себя в состояние двойной морали, при котором одним можно то, чего другим нельзя. Но человек не может безнаказанно существовать в атмосфере двойной морали, она неминуемо приводит его к циничному восприятию реальности, и если одна отдельно взятая личность ещё может как-то болтаться в циничной системе координат, и даже вызывать при этом какие-то симпатии, то цинизм, распространившийся на немалую часть человеческого сообщества порождает в его молодом поколении реакцию отторжения лицемерно провозглашаемых моральных ценностей.

Люди моего возраста хорошо помнят как мы, школьники конца семидесятых, равнодушно и насмешливо относились к идеям коммунизма, о которых бездушно и лицемерно говорилось и писалось тогда на каждом шагу. Тогдашнее советское

13

общество тоже существовало в атмосфере двойной морали. Печальный результат известен – гибель государства с неизбежными катастрофическими последствиями. Что-то похожее могло произойти и тогда, но не произошло – не произошло по причине наличия политической воли со стороны тогдашнего правительства, и, самое главное, по причине сохранности глубинных сил русского общества – на тот исторический момент времени. Основная масса русского крестьянства, мещанского сословия, купечества, русского воинства, священников, клириков и монахов Русской православной церкви сохраняли глубокую приверженность христианскому православному мировосприятию и вероисповеданию. Дворянство тоже было неоднородно в своей массе и большое количество провинциальных дворян и в эпоху Просвещения оставались истинно верующими православными людьми. Ярким подтверждением этих слов будет тот факт, что на протяжении восемнадцатого-девятнадцатого веков сонм русских православных святых пополнился многочисленными выходцами абсолютно из всех общественных сословий тогдашней России, что позволяет нам уверенно говорить о ещё не подорванном духовном здоровье тогдашнего русского народа.

У всякого явления есть своя инертность. Инертность русского общества девятнадцатого века мешала ему быстро двигаться в позитивном прогрессистском направлении и она же удерживала его от негативных прогрессистско-либеральных тенденций, которые – и тут мы вернёмся к нашей исходной точке – были ощутимее видны в верхних слоях тогдашнего дворянского общества, к которому относились и Пушкины.

Совсем не по-европейски властный и даже весьма жестокий Лев Александрович Пушкин чутко уловил ветер перемен в обществе, и желая устроить в нём своих детей наилучшим образом, дал своим сыновьям от второго брака Сергею, и его старшему на четыре года брату Василию, образование на европейский манер. Оба брата в совершенстве владели английским, немецким, итальянским и латинским языками, и совершенно блестяще – французским языком, на котором они даже могли писать стихи. Они перечитали почти все более-менее известные произведения знаменитых французских литераторов того времени, начиная с Вольтера и Руссо, и заканчивая Парни и ему подобными авторами. Особенно в этом преуспел Сергей Львович. Ему легко давались не сильно глубокие французские философские книги (глубоких философских книг французы не написали), но с гораздо большим интересом он читал драматические, лирические и, конечно же, эротические произведения. В конечном итоге, француз-

ская литература в сочетании с природной живостью и подвижностью ума и сформировали его характер.

В трёхлетнем возрасте по обычаю того времени Сергей Львович был записан своим отцом в армию, а с пяти лет – переписан в гвардию, в её Измайловский полк. Так со своими детьми поступали многие знатные дворяне того времени. Это делалось для того, чтобы ко времени совершеннолетия молодой человек номинально уже прошёл все ступени воинской службы до первого офицерского чина. Воинский устав той поры, введённый ещё Петром Первым, в обязательном порядке предполагал начало воинской службы в должности рядового солдата. Возрастные детали службы в уставе прописаны не были и уставную норму почти сразу после смерти Петра дворяне научились обходить нехитрым способом: они записывали своих детей в избранный полк едва ли не сразу после рождения. Понятно, что всё время своей псевдосолдатской службы дворянские отпрыски проводили в отцовских домах и усадьбах, а не в армейской казарме. Второй причиной ранней записи на воинскую службу было положение Манифеста о

14

вольности дворянства, гласившее о том, что если дворянин не дослужился до офицерского чина, он был всё-таки обязан провести на государственной службе не менее двенадцати лет. Ранняя запись в солдатскую службу автоматически снимала и эту проблему – молодые дворяне в семнадцати-восемнадцатилетнем возрасте не только становились офицерами, но и имели по двенадцать-четырнадцать лет выслуги, позволявших им дальше вообще нигде не служить.

В 1777 году в семилетнем возрасте Сергей Львович вместе с братом был произведён в сержанты Измайловского полка, и до смерти отца в 1790 году братья Пушкины оставались дома, преимущественно в Москве, где у Льва Александровича на Божedomке была большая усадьба. В 1791 году Сергей Львович получил первый офицерский чин – чин прапорщика. С этого времени он находился на службе в своём полку, где он прослужил в егерском батальоне до сентября 1797 года, и откуда уволился в чине капитан-поручика (по другим сведениям – в чине майора).

Основной причиной увольнения Сергея Львовича из гвардии была женитьба. За год до увольнения, в сентябре 1796 года он женился на Надежде Осиповне Ганнибал, единственной дочери своих родителей. Я уже говорил о том, что Надежда Осиповна была эlegantна, образована, отлично владела французским языком и почиталась в свете красавицей. Сергей Львович в неё влюбился, сумел вызвать в девушке ответные чувства, и женился на ней, преодолев при этом некоторое противодействие со стороны своих родственников, считавших Надежду Осиповну бесприданницей – как впоследствии выяснилось – напрасно, потому что она оказалась наследной владелицей села Михайловское в Псковской губернии, а сам Сергей Львович был владельцем сёл Болдино и Кистенёво в Нижегородской губернии.

Молодые должны были определиться с местом будущего жительства, и они выбрали Москву. Сергей Львович родился в Санкт-Петербурге, но большая часть его жизни проходила в Москве, там был круг его основных знакомых, и они уехали туда. Конечно, была ещё возможность отъезда на жительство в нижегородские имения, но этот вариант Пушкины серьёзно даже не рассматривали. При том, что у Сергея Львовича было во владении больше семи тысяч десятин земли и около тысячи крестьян, он абсолютно не интересовался хозяйственными вопросами. Деньги его, конечно, привлекали, но заниматься рачительным приумножением конкретных материальных прибылей он не желал. Вместо многомесячного напряжённого сидения на деревенской ниве отставной капитан-поручик выбрал гораздо более простой и приятный путь извлечения доходов: он, по примеру многих друзей и приятелей, в своих деревнях назначил приказчиков, которые обязаны были к назначенному времени доставлять ему оброк. В приказчики по традиции обычно выбивались жадные, вороватые и жестокосердные люди, которые умели и барину неплохо угодить, и себе насобирать на безбедную жизнь.

Сергей Львович практически никогда не появлялся в своих поместьях, довольствуясь эпизодическим общением с приказчиками и пользуясь доставляемыми ими средствами. Несчастные крестьяне, безбожно притесняемые барскими назначенцами, несколько раз пытались обратиться к своему господину, один раз даже прислали к нему на квартиру целую депутацию жалобщиков, но он их даже не выслушал и отправил домой восвояси. Слабым оправданием Сергею Львовичу может быть лишь тот факт, что подобным образом поступал не он один.

Надежда Осиповна по вполне понятным причинам полностью разделяла стремление мужа жить в одной из двух столиц, и действительно: если её супруг не собирался ради семейного благополучия вникать в проблемы посева ячменя, то почему она, молодая, красивая, абсолютно светская женщина должна была

15

хоронить себя в старом помещичьем доме где-то в нижегородских лесах?

У Сергея Львовича было ещё одно оправдание для жизни в столичном городе, о котором пушкинские биографы говорят почему-то вскользь, а иногда даже с оттенком осуждения: у него был талант, и даже не один талант, а несколько. Он был даровитым актёром и с успехом играл разные роли в многочисленных домашних спектаклях, причём домашними эти спектакли можно было называть с большой долей условности, поскольку разыгрывались они в больших московских усадьбах перед немалым количеством зрителей.

Если бы отец Пушкина жил в наше время, он легко мог бы оказаться на ведущих ролях в каком-нибудь крупном московском театре, но в те времена амплу профессионального актёра ничего положительного к общественному имиджу человека не добавляло, скорее даже наоборот, дискредитировало его, а вот яркое любительское исполнение театральных ролей, умение поставить и разыграть пьесу на домашних подмостках делало Сергея Львовича незаменимым человеком в подобного рода делах.

Сергей Львович был необычайно находчив. Сочетание этого свойства с ярким чувством юмора позволяло ему в светских беседах отпускать такие каламбуры, которые после этого в качестве свежайших анекдотов расходились по всей Москве. Эти же качества в соединении с глубоким интересом к литературе и отличным знании почти всех достижений современной ему французской словесности развили в нём талант литературного импровизатора – он легко писал весьма неплохие стихи на французском и русском языках, при чём лучше – на французском, да так, что многие московские дамы стремились заполучить его стихи в свои альбомы.

А теперь скажите, положи руку на сердце: в талантах Пушкина-сына, таких, какими мы их знаем, не видны ли таланты Пушкина-отца? Не Пушкин ли отец осознанно или неосознанно привил Пушкину-сыну многое из того, что впоследствии стало основой для немалого числа любимых нами литературных произведений? Мы ведь любим Пушкина и за характер, и за печать лёгкой и свободной личности на его стихах... А откуда взялся этот характер и откуда взялась печать этой личности? Да, мы видим в Сергее Львовиче недостатки, которые унаследовал и развил в себе его сын, но признавая недостатки отца, давайте же отметим и его достоинства!

Говоря о положительном влиянии Пушкина-отца на Пушкина-сына укажем ещё и на то, что Сергей Львович был не только в курсе всех значимых зарубежных литературных новинок того времени, которые при первой возможности оседали в его богатой личной библиотеке, но и современная ему русская литература также была в круге его постоянных интересов. Почти все мало-мальски известные московские литераторы были его добрыми приятелями, а рядом с некоторыми (И.И. Козлов, брат Василий Львович Пушкин, И.И. Дмитриев) он ещё и жил. Короче говоря, дом Пушкиных благодаря его хозяину дышал творческой атмосферой вообще, и атмосферой литературной – в частности. Если в такой среде вдруг появится одарённый ребёнок, будет ли что-то удивительное, если он разовьётся в выдающегося поэта или писателя?

Отцовская усадьба на Божedomке в руки Сергею Львовичу не попала – у отца хватало наследников и без него. Жильё в Москве надо было снимать. Доходов же, присылаемых из нижегородских поместий на московскую жизнь никак не хватало, и Сергей Львович должен был поэтому пойти на государственную службу в комисариатский штат. Комисариатским штатом или депо называлось полувоенное учреждение, ведавшее материальным и денежным снабжением

16

войск, расквартированных в конкретной местности.

Предвзятому человеку это может показаться странным, но легковесный на первый взгляд Сергей Львович весьма успешно справлялся с возложенными на него служебными комиссарскими обязанностями, что, кстати, ещё раз говорит о многогранности его способностей. Комиссарское поприще он начал чиновником 9 ранга, но за шесть лет «по рачительному исполнению должности» поднялся до звания военного советника 6-го ранга. Немного забегаая вперёд, скажем о том, что за свою деятельность в 1811 году он был награждён орденом святого Владимира 4-й степени, а в 1817 году уволился от службы с чином 5-го класса.

Сергей Львович был прижимист как в отношении государственных денег, так и в отношении своих собственных, банкротом он не был никогда, а вот обвинения в скупости довольно регулярно выслушивал, в первую очередь – от своих собственных детей. Не будем искать в этих обвинениях правых и виноватых, а лучше обратим своё внимание на тот несомненный факт, что Лев Александрович Пушкин, воспитывая своих детей в европейском просвещенческом духе, сумел при этом привить потомкам и довольно прочные житейские качества, позволявшие им удерживаться на плаву в непростых бытовых обстоятельствах.

Мы уже говорили с Вами о том, что Пушкин в раннем детстве был полноватым ленивым, немного вяловатым и немного пугливым русоголовым мальчиком. Он не был аккуратен, и всё время терял носовые платки. Надежда Осиповна не могла спокойно этого перенести, прикалывала ему носовые платки к курточке и заставляла в таком виде выходить к гостям. Маленький Саша стеснялся этого и замыкался в себе.

Живым, светским и бойким в общении Сергею Львовичу и Надежде Осиповне было трудно привыкнуть к мысли, что у них в доме живёт тихий, рассеянный и не очень контактный ребёнок – от наследника они ожидали совсем другого поведения. Маленький Саша не оправдывал их лучших ожиданий, и родители не то чтобы отвернулись от него – ну кто же может полностью отвернуться от собственного ребёнка? Нет! Родители стали к нему как бы немножко холодноваты, а может быть, это он сам подсознательно установил между ними и собой некоторую комфортную для себя дистанцию, а родители, тоже подсознательно, не стали эту дистанцию пересекать.

Однако «не пересекать дистанцию» не значит – не проявлять никаких эмоций по отношению к собственному ребёнку, когда он в очередной раз совершает что-то такое, чего просто нельзя выдержать. Преступление должно быть наказано, и оно время от времени наказывалось, но что же было делать преступнику в ожидании возможного наказания? Он должен был спастись бегством, и на счастье маленького Саши Пушкина ему было куда бежать от праведного или неправедного родительского гнева.

С некоторого времени в Москве, в доме Пушкиных стала жить мать Надежды Осиповны, Мария Алексеевна. Она поселилась в семействе дочери для того, чтобы облегчить молодым господам жизнь, дать им возможность свободно проводить время в светском обществе. Для этого она взяла на себя обязанности домашней хозяйки, экономки и няньки. Понятно, что для черновой работы в доме существовала прислуга, но Мария Алексеевна стала той самой направляющей силой, без которой колёсики и шестеренки пушкинского дома могли бы прово-

рачиваться вхолостую, а так, несмотря ни на какие обстоятельства, в доме всегда было тепло, светло и уютно. Сергей Львович, кстати, тещу любил и по

17

достоинству оценивал её заслуги.

Любили Марию Алексеевну и все внуки, но особенно – Саша. Именно к бабушке он всегда и убегал, спасаясь от материнского гнева. В бабушкиной комнате у её ног стояла корзина с шерстью для рукоделия. Опасаясь материнского наказания, в эту-то корзину испуганный малыш каждый раз и залезал, чувствуя, что бабушка оттуда его никому на расправу не отдаст. Так всегда и случалось.

Кроме уроков истинной любви маленький Пушкин получал от своей бабушки первые уроки русского языка. Родители Пушкины говорили между собой и со своими детьми только по-французски, а Мария Алексеевна великолепно владела русским языком, и красивую русскую речь будущий поэт начал впитывать в себя именно от неё. Мария Алексеевна была его первым учителем русской грамоты, от неё он услышал немало замечательных русских сказок. Да-да, не только знаменитая и всем известная Арина Родионовна, деревенская нянька поэта рассказывала ему его первые русские сказки, но и родная бабушка тоже!

А что же Арина Родионовна? Заслуги Марии Алексеевны в воспитании будущего светила русской поэзии никак не принижают заслуг его деревенской няньки в том же направлении. У истинной любви есть удивительное свойство – она не стремится занять чьё-то место в человеческой душе, в душе того, на кого она направлена – она просто создаёт в этой душе ещё один очаг тепла и света. Именно такой была любовь сорокалетней тогда Арины Родионовны (кстати, матери четверых детей) к своему маленькому питомцу. Сорок лет – неплохой возраст для женщины. В эти годы она может быть ещё и красива поздней женской красотой, физически крепка, под влиянием немалого жизненного опыта уже может быть достаточно мудра и уже может быть не по-матерински, а по-бабушкински терпелива и мягка с маленькими детьми.

Природная доброта крепостной крестьянки Арины к её сорока годам глубоко сочеталась со всеми этими качествами, что было по достоинству сначала оценено хозяйкой Арины Марией Алексеевной, а потом и всеми остальными Пушкиными. Перед тем, как любовно начать нянчить маленького Сашу, Арина Родионовна с такой же любовью сначала нянчила его старшую сестру Ольгу, и та впоследствии отплатила своей старой воспитательнице тем же светлым чувством, что и её средний брат – именно в доме Ольги Сергеевны в Петербурге на покое окончила свои дни семидесятилетняя пушкинская няня.

Если от Марии Алексеевны маленький Пушкин получал, так сказать, высокие уроки русской словесности, то от Арины Родионовны он впитывал глубинную простоту и ясность родного языка, живые обороты народной наблюдательности, отлитые в сочных пословицах и поговорках, которых пушкинская няня знала без числа. Красивые и таинственные сказки Марии Алексеевны чередовались в сознании Саши Пушкина с простыми весёлыми и добрыми историями Арины Родионовны. Впечатлительная детская душа приняла всё это с восхищением и благодарностью, а мы с Вами можем считать бабушку поэта и его няньку некими тайными соавторами его замечательных сказок.

У Арины Родионовны в жизни Пушкина была ещё одна интересная и в некотором роде таинственная роль. Давайте на минуту зададимся вопросом: что же такого особенного мог от неё получить маленький дворянский мальчик кроме, в первую и главную очередь – любви, а следом – проникновения в глубину чистой простонародной русской речи и слушания удивительных сказок? Я отвечу: веру, но не ту, о которой мы обычно говорим. Арина Родионовна была крестьянкой. Крестьяне в ту пору были практически поголовно неграмотны, и их православно-сть шла от домашнего воспитания, от церковной проповеди (весьма,

18

впрочем, ограниченной – о причинах этого мы уже говорили), от посещения церковных служб, которые худо-бедно вносили в крестьянские головы определённую христианскую системность и от пересказов духовных историй более сведущими людьми менее сведущим. От этого многие жития святых и некоторые библейские истории становились похожими на сказки, что, кстати, не умаляло их достоинств в глазах слушателей.

Но православный русский крестьянин или крестьянка в своём мировосприятии никогда или почти никогда не довольствовались книжным описанием жизни, тем более, что и книги то они практически не читали, да и что могли сказать им книги Ветхого и Нового Заветов о мире, в котором они жили? В Ветхом Завете есть описания природы, животных, растений, но всё это – из мира природы Ближнего Востока, а Новый Завет – он вообще не о природе, а об универсальных способах спасения души.

Что же делал в обычной жизни конкретный верующий русский неграмотный крестьянин? Понятно, трудился, заботился о насущных делах, ел, пил, спал, а ещё что? А ещё он наполнял свою душу впечатлениями от окружающей природы, от житейских обстоятельств, находил связи одних явлений с другими, иногда не очень явные, но повторяющиеся (так возникали приметы). Он часто видел необъяснимые для себя вещи, и по-своему их трактовал, и не всегда у него получалось это сделать христианским образом, и тогда трактовки принимали таинственный и непостижимый, иногда пугающий или, как минимум, тревожащий душу оборот...

Так или примерно так формировалось русское народное мировосприятие и маленький Пушкин впитывал часть этого мировосприятия от Арины Родионовны – она ведь не только благостные сказки рассказывала маленькому Саше, его сестре и братьям, не только весёлые прибаутки то и дело слетали с её уст – она ещё время от времени рассказывала пушкинским детям разные деревенские истории, в которых появлялись и действовали то домовые, то водяные, то лешие, то невесты откуда взявшиеся ожившие мертвецы, а то и сам лукавый в каком угодно обличьи. Эти истории кардинально отличались от сказок Марии Алексеевны и сказок самой Арины Родионовны, отличались тем, что действие этих историй происходило не где-то в вымышленном тридевятом царстве, а в той самой деревне, в которой Арина Родионовна жила, или в одной из соседних с её деревней деревень, оно происходило с людьми, которых она знала или с людьми, которых хорошо знали близкие ей люди. Эти истории были из какой-то другой, далёкой от уютного и понятного московского дома, но вполне настоящей и немного пугающей маленьких детей, жизни. То, о чём в таких случаях рассказывала нянька Арина не всегда хорошо заканчивалось, но об этом хотелось слушать и слушать, потому что было понятно: бабушкины и нянюшкины сказки – это очень красиво и увлекательно, но это специально придумано для них, для детей, чтобы им было интересно, а вот деревенские рассказы Арины Родионовны о людях, о том, что с ними иногда необычайного случалось, будили в детских душах совсем другие чувства. Дети понимали, что может быть не сейчас, не завтра, а потом, во взрослой жизни, пусть не в Москве, а где-то когда-то в другом месте – в деревне, в дороге, да мало ли где ещё, – они, как и участники Ариных повествований, могут столкнуться с домовым, с водяным, с русалкой, оборотнем или с неведомым им хитрым и изворотливым лукавым, который может появиться вообще где угодно, и никакой полицейский и даже сам царь ему не помешает! В детские души в такие минуты приходит страх, но от того, что в правильных местах подобные истории рассказываются мудрыми людьми не на

19

ночь, и где-нибудь на мягком диване в тёплом углу. детский страх приобретает какой-то благостный и сладковатый оттенок, и через некоторое время ребёнку хочется испытать его снова.

Тут, в этом благостном детском страхе и был один из основных источников пушкинского суеверия – мы ведь совершенно точно знаем, что Пушкин был суеверен – он сам в этом неоднократно признавался в своих письмах и записках, а жизнь, которую он вёл в Лицее и после его

окончания в Петербурге вряд ли располагала нашего поэта к полумистическому восприятию событий, скорее наоборот – нам с Вами ещё предстоит в этом убедиться.

К сожалению, у нас нет ни одного свидетельства о том, что в ближайшем окружении маленького Пушкина был хотя бы один глубоко верующий православный церковный человек. Для самого Пушкина на протяжении многих лет его короткой жизни вера в Бога или безверие не были важнейшим критерием оценки человека и от поэта мы ничего не можем узнать об отношении близких ему в детстве людей к Богу, тем более, что о своём детстве он вообще практически ничего нигде и никогда не писал.

Бабушка Мария Алексеевна, учитывая её русскость, а значит немалую традиционность в мировосприятии, всё же, наверняка была верующей, писал ведь о ней сам Пушкин:

...Когда в чепце, в старинном одеянье.

Она, духов молитвой уклоня,

С усердием перекрестит меня...

Может быть, вера её не была настолько глубока, чтобы зажечь ответный огонёк в ком-либо из своих внуков, что, впрочем, может равным образом указывать и на невосприимчивость самих детей к теме веры. А ещё вполне возможно, что верующая бабушка могла осознанно окорачивать свои воспитательские порывы в духовном направлении, не желая пересекаться с крепко усвоенным дочерью и зятем общим настроением в обществе, не поощрявшем излишней религиозности. Надежда Осиповна и Сергей Львович были детьми своего времени, и дух европейского восемнадцатого века глубоко вошёл в их мировоззрение. Дворянский свет не принимал открытых атеистов, и подозрительно относился к избыточному, на его взгляд, христианскому рвению.

Об отношении к вере Надежды Осиповны нам ничего не известно, а вот с Сергеем Львовичем в этом плане дела обстояли несколько сложнее. То, что его воспитывали и воспитали французы – это одно, а то, что его произвели на свет коренные русские типы, на которых ещё лежала чёткая печать народности, пусть и в дворянском исполнении – это другое. Он поэтому был в некоторой степени суеверен, а наличие суеверности в человеке предполагает, что он признаёт и опасается действия неких никем до конца не познанных сил на человеческую судьбу. При правильном движении личности по жизни из этого признания может родиться логически следующее за этим признание – признание бытия некой Высшей Силы, и страх Божий – качества, необходимые для каждого верующего человека. Может быть, всё это пришло к Сергею Львовичу в поздние, старческие годы – нам об этом ничего не известно (хотя, если бы пришло, вряд ли бы он за год-два до смерти, будучи дряхловатым стариком, влюблялся в незрелых девочек), а в тот период, о котором мы говорим с Вами сейчас, он свои суеверные страхи уравнивал так называемым бытовым православием – он мог отстоять службу в церкви, заказать по необходимому случаю молебен, пригласить домой на требы священника, раз в год постился и причащался. Безусловно, он делал это из нескольких побуждений: и для уравнивания своих суеверий, и из некоего

20

уважения к традициям, и из понимания того факта, что «так надо», и не желая раздражать общественное мнение чрезмерным индивидуализмом. По нынешней терминологии Сергей Львович был конформистом, не переходящим за установленные рамки поведения. Но ведь это не всё!

Одним их любимейших его писателей был Вольтер, которого он мог цитировать чуть ли не страницами. Не будем сейчас говорить об эротических строках Вольтера, а скажем о его отношении к религии. Вольтер был исключительно последовательным антиклерикалом, то

есть, противником любой церкви вообще, и в частности, церкви католической. Вольтер всеми доступными ему способами в своих произведениях раскрывал негативную человеческую сущность церковнослужителей, упирая в первую очередь на их жадность и стремление к властному манипулированию окружающими. Вольтер призывал своих читателей к религиозной терпимости, но в это понятие он вкладывал презрительное отношение к христианству и к обрядам католической церкви. Священную историю, преподанную в книгах Ветхого Завета, Вольтер считал обманом. В своих произведениях он настойчиво проводил мысль о том, что христианство призывает любить долготерпеливого и милосердного Бога, который в изображении тех же священников постоянно выступает в роли жестокого тирана. Вольтер видел в этом жестокое противоречие, и призывал своих читателей на основании этого и других доказательств безоговорочно порывать с христианским вероучением.

При этом Вольтер отвергал чистый атеизм, спорил с атеистами, активно критиковал их и любил говорить о вечности природы. Он признавал и пропагандировал существование некой обезличенной творческой силы, создавшей Вселенную и не вмешивающуюся в ход её развития по мелочным поводам.

Не могу не заметить того, что аргументация противников церкви с тех пор почти не изменилась – они и на наших глазах строят свои доводы на жадности священников, на стремлении церкви к власти, и убеждают всех в том, что есть некий Бог, который в виде чувства справедливости должен быть у каждого свой, и помещаться в каждой отдельно взятой душе.

Все свои, на первый взгляд, сложные конструкции Вольтер умел облекать в легкодоступную форму, что и было одной из причин его выдающегося успеха у читателей.

Однажды его спросили, есть ли Бог. Вольтер попросил поплотнее закрыть дверь, и ответил, что Бога нет, но об этом не должны знать его лакей и его жена, потому что иначе лакей может его зарезать, а жена – выйти из послушания, – согласитесь, весьма элегантный каламбур, а такими и подобными им каламбурами были полны вольтеровские произведения.

Могло ли это не нравиться Сергею Львовичу? Могло ли это у него, остроумца и мастера каламбуров не вызывать восторга? Ответ закономерен и несомненен, и, безусловно, Сергей Львович переносил в своём сознании отношение Вольтера к католической церкви на родную ему православную почву, хотя, повторимся, открыто этого ничем не обнаруживал. Сформулируем теперь ту же мысль немного иначе: если человек верует во Христа и любит церковь глубоко и искренне, он никогда не будет часто и с восхищением цитировать другого человека, пусть и очень остроумного, но насмехающегося над церковью и презирующего основы христианского вероучения. Сергей Львович цитировал Вольтера взахлёб – мы уже сказали об этом. Дальше можно ничего не комментировать.

Ребёнка трудно обмануть – он видит сердцем, и маленький Саша Пушкин не мог научиться в то время у своего отца любви к Богу, а вот интересу к Вольтеру

21

научиться мог, и – научился! Постараемся в этом месте, и в нашей книге вообще, никого не судить, но факты таковы, каковы они есть, а в завершение разговора о Вольтере я хотел бы рассказать о том, что он перед смертью очень сильно мучился и хотел пригласить священника, но люди, окружавшие его в эти минуты, не позволили это сделать. Вольтер невыносимо страдал и кричал: «Я покинут Богом и людьми! Я пойду в ад! О, Христос! О, Иисус Христос!»

Учитывая то, что Вольтер умер в 1778 году, когда Сергею Львовичу было восемь лет от роду, к тридцати годам он мог бы при желании узнать о достаточно известных обстоятельствах смерти любимого писателя, и сделать соответствующие поправки с своим мировоззрением, но жизнь и чувства вели в то время отца нашего поэта в несколько ином направлении.

Глава вторая.

Что было это? Пробуждение

Быть может – нет, быть может – да!

В 1806 году бабушка Пушкина Мария Алексеевна купила под Москвой сельцо Захарово, и семья смогла туда уезжать на целое лето. Именно в то первое захаровское лето Пушкин переменялся: из неповоротливого увальня он превратился в живого резвого и любопытного мальчишку. Эта перемена безусловно порадовала родителей, но не была воспринята ими, как нечто выдающееся – у них хватало забот, в семье Пушкиных было уже четверо детей, а младшему брату, Льву, ко времени первого выезда семьи в Захарово было немногим больше года, и он, естественно, привлекал к себе основное внимание родителей.

Сергей Львович, подчёркивая своё особое отношение к младшему сыну, позже называл его по имени библейского персонажа «мой Вениамин». По мнению отца, маленький Пушкин должен быть именно таким, каким был в детском возрасте Лёвушка – живым, контактным, не назойливым, но непосредственным, и обаятельным.

Надежда Осиповна тоже закономерным и понятным образом уделяла Лёвуске больше внимания, чем остальным. Николеньке было пять лет – он тоже ещё требовал к себе внимания, хотя и не столько, сколько Лёвушка, а Саше с Олей было уже соответственно семь и девять лет – во многих простых вещах они вполне уже могли позаботиться о себе сами, что, впрочем, они с удовольствием и делали.

Живость Саши заставила родителей сделать не совсем приятное открытие: оказывается, беспокойный ребёнок также неудобен для родителей, как и вялый, малоподвижный, и если вялого надо иногда просто терпеть, то живого надо чем-то занимать и как-то успокаивать, что временами превращается в серьёзную проблему. Об этом же родителям не раз говорили и несколько французских гувернанток, поочерёдно сменявшие друг друга в пушкинском доме.

Лето 1807 года, как и предыдущее, семья проводила в Захарово. Здесь Пушкин пережил первое по-настоящему серьёзное потрясение: его младший брат Николенька сначала серьёзно заболел. Маленький Пушкин захотел пожалеть тяжёло больного брата, и с участием подошёл к его постели. Николенька показал ему язык и отвернулся. Вскоре его не стало. Его похоронили в соседнем селе Вязёмы. Саша лишился непереносимого участника своих игр, неизбежных мелких потасовок и мальчишеских забав. Некоторое время было просто невозможно

22

представить, что брата уже нет, и никогда больше не будет...

Но время шло. Закончилось лето, пришла пора возвращаться в Москву. Пушкин любил Захарово, любил свободное деревенское времяпровождение, а пребывание в Москве уже было связано с небольшими, но обязанностями – обязанностями по учёбе. Начальное образование в дворянских семьях в то время было по преимуществу домашним, городских школ в нашем теперешнем понимании практически не существовало. Предметы обучения определяли родительская логика и общественная мода. Маленькие Пушкины должны были учить французский, русский, английский и немецкий языки, немного – латынь, немного – географию, немного – историю, закон Божий и арифметику.

Неотъемлемой частью тогдашнего начального образования были танцы, и несколько раз в неделю Пушкины возили своих детей на уроки то к Бутурлиным, то к Трубецким, то к Сушковым, а по четвергам Олю и Сашу возили на балы к танцмейстеру Иогелю, который уже тогда был главной московской звездой на ниве обучения детей, юношей и девушек танцам.

Закон Божий, русский язык и арифметику детям Пушкиным преподавал диакон Александр Иванович Беликов, выпускник Славяно-греко-латинской академии. О личности самого Беликова мы ничего особенного сказать не можем кроме того, что как преподаватель он был популярен в тогдашней дворянской Москве. Задумка с изучением немецкого языка в семье Пушкиных не прошла – единственная гувернантка-немка говорила по-русски, английский язык дети учили не долго – пока гувернанткой в семье была англичанка мисс Белли, а вот французский язык преподавался со всей возможной активностью. В этом нет ничего удивительного – именно французский стал к тому времени основным языком общения дворянского общества на всех его уровнях и во всех возрастных категориях.

С началом учёбы детей в семью Пушкиных вместо француженок-гувернанток прочно вошли французы-гувернёры, они же были преподавателями французского языка и словесности и они же преподавали детям некоторые основы других общих предметов, так сказать, проясняли картину мира в головах своих учеников.. Сохранились фамилии некоторых этих гувернёров-преподавателей – Русло, Монфор, Шедель.

О Русло и Шеделе известно только то, что они каким-то образом узнали о том, что маленький Пушкин пишет стихи и посмеялись над первыми поэтическими опытами своего ученика, причём Русло ещё увидел в этом повод пожаловаться на своего воспитанника Надежде Осиповне, от которой сыну дополнительно нагорело, правда, не за сами стихи, а за то, что стихи пишутся в большом количестве ради пустой забавы вместо серьёзного отношения к урокам. В отличие от первых двух наставников, месье Монфор был не только отлично образованным носителем графского титула, но ещё и музыкантом, и художником, и самое главное – просто хорошим человеком. Брат и сестра Пушкины всю свою последующую жизнь хранили о нём самые светлые воспоминания.

Как же учился маленький Саша Пушкин? Каковы были его успехи? Во время занятий он часто бывал рассеян, мог не по порядку написать слова, а то и вовсе пропустить их, не был сильно прилежен в чистописании, кляксы нередко украшали исписанные им листы. Он не охотно учил домашние задания и, имея хорошую память, стремился отвечать на вопрос учителя после сестры, а будучи спрошенный первым, часто ничего не мог ответить.

Арифметику он откровенно не любил, она получалась у него довольно плохо как в пору московского детства, так и в пору лицейской юности. Мир сухих цифр не

23

привлекал к себе внимания будущего поэта – он не находил там для себя ничего интересного и откровенно скучал, находясь в сфере деления, умножения, дробей и геометрических задач.

О законе Божьем он сам в Лицее говорил, что не смог одолеть и «Отче наш», что больше говорит не о неспособности выучить простейшую молитву в несколько строк (память вообще, как у всех мужчин Пушкиных, у него была замечательная), а о том что сам предмет не вызывал у ученика ни малейшего интереса, и здесь гораздо больше вопросов не к диакону Беликову, а к семье, к родителям.

Мы уже говорили и ещё будем говорить о губительности двойной морали для дела воспитания. Спаситель мира твёрдо говорит нам о том, что нельзя служить двум господам – человек вольно или невольно всё равно будет кланяться в одну сторону, а в сторону противоположную он эти поклоны будет только изображать, и пристальный наблюдатель непременно уловит, куда именно обращает своё лицо предмет его наблюдения. А кто пристальнее детей рассматривает своих родителей, рассматривает самым неформальнейшим образом, может быть, даже

не обращая внимания на словесную шелуху, но чутко схватывая самую суть видимого? Не рассмотрел ли юный Пушкин то, как его отец умом признаёт важность православных установлений, а душой клонится к Вольтеру и прочим авторам, более легковесно и фривольно развивавшим взгляды неугомонного француза? Конечно рассмотрел! Какую сторону обычно принимают дети, сторону ума или сторону сердца? Что же удивительного в том, что чувствительный мальчик принял сторону сердца своего чувствительного отца? И что же удивительного в том, что по отсутствию лукавства в детской душе мальчик не пожелал учить то, к чему не лежало его сердце, и что он полагал не нужным и не интересным для себя? Заметим в скобках, что «Отче наш»-то Пушкин наверняка знал – не мог не знать, а высказался так, для красного словца, для расставления понятных акцентов.

С немецким языком у пушкинских детей не сложилось – мы говорили почему, но немецкий в ту пору был не очень популярен, и по этому поводу никто особо никогда не грустил. Об изучении английского мы тоже говорили – Ольга и Александр и учили его относительно недолго, и особых успехов на этой ниве будущий поэт не проявил – в детскую пору английский язык ему, что называется «не пошёл», не пошёл он у него и в Лицее и только во взрослые годы Пушкин ради чтения Байрона и других именитых англичан в оригинале практически самостоятельно взялся за основы английского языка, более-менее сносно смог на нём читать, но хорошо говорить по-английски так и не научился.

Проблем с русским языком при домашнем обучении наш будущий гений не обнаружил. Родной язык он осваивал исключительно легко, а об изучении им русской словесности мы говорить не будем – её на тот момент практически не существовало. При всём уважении к одам Ломоносова и к самому их автору, не будем же мы всерьёз считать их вершинами литературы, а вот зарождающаяся русская художественная литература в самом прямом смысле фигурировала перед взором маленького Пушкина в лице его дяди Василия Львовича, а также поэтов и писателей его круга, живших в то время в Москве, о которых мы уже упоминали в нашей книге немного ранее. Таким образом, у юного Пушкина в руках чуть ли не с рождения был один из лучших способов взять уроки какого-либо дела – живое общение с мастерами этого самого дела. Провидение щедро дарило будущему поэту такие уроки в домашней обстановке, когда кто-либо из московских литераторов заезжал к Сергею Львовичу на гостеприимный огонёк.

Французский язык и французская словесность были козырным тузом в колоде пушкинских учебных карт – коронованным учеником Пушкин в детстве и юности не

24

был, за исключением двух предметов: русского языка и французского языка. Французским языком он владел блистательно и его успехи на ниве французской речи и письма отмечали решительно все компетентные в этом вопросе люди. Никаких оценок, кроме самых превосходных, Пушкин за свой французский язык никогда и нигде не получал.

Но есть ли тут чему удивляться? Лингвистически одарённый мальчик рождается во франкоязычной, по внешней сути, семье. Французский язык для него в первые годы жизни – родной. Что странного в том, что ребёнок идеально знает родной язык? А ребёнок любопытен, ребёнок рано выучился читать, а у его отца – замечательная библиотека, полная классических и современных французских книг, а у родного дяди ребёнка – тоже библиотека, и в обеих библиотеках можно время от времени рыться и находить там интереснейшие для себя вещи! О библиотеке Василия Львовича, кстати, скажем, что большую её часть он вывез из Франции, и лучше её возможно была только сорокатысячная по количеству книг библиотека князя Бутурлина, и Бутурлин кое в чём немало завидовал собранию пушкинского дяди.

Понятно, что библиотекой дяди маленький Пушкин мог пользоваться эпизодически, а вот библиотекой отца – в высшей степени регулярно. Пушкин читал запоем, и до двенадцати лет перечитал множество книг, подавляющее большинство из которых были изданы, конечно же, на французском языке. Это очень мощно повлияло как на его знание французского языка,

так и на его общее развитие. Им были прочитаны «Илиада», «Одиссея» и многие древнегреческие мифы, естественно, во французском переводе, но, безусловно, основной массив прочитанных им в этом возрасте книг пришёлся на современную ему французскую литературу, литературу второй половины восемнадцатого века.

Отец в этом занятии сыну особо и не мешал, и не пытался серьёзно направлять его читательские интересы. Юный Пушкин жадно изучал корешки книг в отцовском кабинете, брал приглянувшиеся ему тома в руки, раскрывал их и проглатывал всё, что только могло заинтересовать его пытливый ум или приятно растревожить его душевные чувства. Читал он и Вольтера, от которого в восторге был его отец, и во множестве – других, гораздо более легкомысленных и эротичных писателей вроде Лакло, Кребийона, почти до неприличия откровенных Вержье и Грекура, ну, и конечно же, Парни.

Все мы прекрасно помним о том, как у каждого из нас лично, и окружавших нас сверстников постепенно возникал и постепенно проявлялся интерес к интимной стороне человеческой жизни. У каждого это было по-своему, у кого-то этот интерес возникал немного раньше, у кого-то – немного позже, у кого-то он продолжительное время оставался вялым, чуть ли не до самой поры полового созревания, но у кого-то он с самого начала имел весьма активное выражение. Физическая и душевная индивидуальность в этом случае имеют выдающееся значение в жизни каждой отдельной личности. Так было и в жизни Пушкина.

Пушкин, видимо, или очень рано или намного раньше подавляющего большинства своих сверстников узнал о физической стороне интимной близости. Откуда он получил это знание – нам не известно, мы ведь и сами обычно никому не рассказываем, как и откуда мы получали подобные сведения, но в случае с Пушкиным горячий интерес к предмету, темперамент и возможность получить сексуально-эротическую информацию из весьма обширного и почти неконтролируемого источника сошлись воедино, и дали всем нам известный результат.

К двенадцати годам Пушкин прочитал столько эротической литературы, сколько её не прочитали многие неплохо образованные двадцати-

25

двадцатипятилетние молодые люди. Понятно, что энергию, которую транслировали эти книги, он не мог направлять на человеческие отношения – до них он в ту пору просто физически не дорос, но дышащая глубоким эротизмом французская литература наложила на его умственное и душевное мировосприятие неизгладимый или почти неизгладимый отпечаток. Сказки Марии Алексеевны вместе со сказками и таинственными деревенскими историями Арины Родионовны в сердце мальчика надолго уступили место простым, лёгким, насмешливым и сладко будоражающим нутро историям разбитных французских рассказчиков. Богатыри, царевны, королевичи и отважные крестьянские сыновья в сознании юного Пушкина сменились похотливыми аббатами, куртуазными и распущенными графинями и маркизами, и чувственными пастухами и пастушками – теперь они пленяли его воображение.

Насмешливое, а то и саркастическое отношение к католической церкви, которым были полны прочитанные в те годы мальчишкой-Пушкиным книги, логическим образом подталкивали его к аналогичным понятиям в отношении церкви православной. Эти понятия в Москве ему ещё некому было высказать, но пройдёт относительно немного времени, и семена, посеянные в его душе французскими книгами, дадут всходы во время учёбы в Лицее.

Но давайте, наконец, повернём наш взгляд на пушкинское чтение немного в другую сторону. Мы уже говорили о том, что он читал не только Парни – его глубоко поразил мир «Илиады» и «Одиссеи», с величайшим интересом он читал «Сравнительные жизнеописания» Плутарха – этот классический свод биографий великих людей античного мира. Он прочитал основные произведения классиков французской литературы, в первую очередь – Корнеля и Мольера. Кстати, в то время в очень многих семьях в домашнем кругу было широко распро-

странено чтение вслух, и Сергей Львович вечерами великолепно читал своим родным многие популярные произведения, и в том числе – пьесы Мольера.

Под влиянием полюбившихся ему авторов Саша Пушкин сам захотел писать пьесы – стихи, естественно, на французском языке, он начал писать едва ли не научившись письменной грамоте. Нет ничего удивительного в том, что первые работы юного Пушкина были подражательными – любой из нас, пытаясь взяться за какое-либо вдруг полюбившееся ему дело, не мог начать его иначе, как с подражания понравившемуся образцу. Что же мы можем говорить в подобном случае о восьми-девятилетнем мальчике, стремящемся к высоким темам классической литературы?

Семейное воспитание и образцы, подаваемые родителями, и прежде всего – отцом, давали себя знать. Девятилетний Пушкин не только пробовал писать пьески, но и сам разыгрывал их перед сестрой, которая выступала в этом случае в роли зрительской аудитории. Со слов самой Ольги Сергеевны широко известен эпизод исполнения Пушкиным перед сестрой написанной им пьесы «Escamoteur» (в переводе «вор» или «мошенник»). Начинающий автор в тот раз был банально освистан публикой в лице сестры, которая усилиями Сергея Львовича была прекрасно ознакомлена с творчеством Мольера и уличила творца произведения в плагиате. Автор не стал обижаться и закипать, а в ответ на эмоциональную критику написал на самого себя эпиграмму, в которой признавался в краже сюжета у великого французского коллеги.

Лет в десять под влиянием масштабной историко-философской поэмы «Генриада» Вольтера, посвящённой осаде Парижа Генрихом Третьим, Пушкин написал героико-комическую поэму «Толиада», посвящённую войне карликов с карликами. Поэму нашла гувернантка, и отдала её гувернёру Шеделю, об эпизоде с которым мы уже говорили. Насмешки Шеделя над своими трудами маленький

26

Пушкин не выдержал и сжёг несчастную поэму в печке.

Понятно, что человек, который стремится писать крупные вещи, непременно по ходу своего творчества будет писать вещи маленькие. Саше Пушкину очень нравился французский баснописец Лафонтен и он, следуя своей симпатии к этому автору, не раз пробовал писать басни. Ни одна из них до нас не дошла, и поэтому об их содержании мы ничего сказать не можем. По той же самой причине не можем мы ничего сказать и о его стихах на обычные темы, но есть немало косвенных свидетельств того, что к одиннадцати годам его умение писать стихи стало широко известным во многих московских домах.

Каким образом возникла эта известность – вполне понятно. Давайте вспомним, как мы все любили, принимая каких-либо приятных нам гостей у себя дома, продемонстрировать им таланты наших собственных детей, как они пели нашим гостям разные песенки, читали им разные стишки, безусловно, чужого сочинения. Давайте вспомним, какие милые чувства это всё вызывало в праздничном домашнем кругу! Мог ли Сергей Львович не представить своим гостям явные успехи собственного сына? Конечно, не мог! А Вы бы упустили возможность порадоваться успеху собственного ребёнка в глазах окружающих?

Известность маленького стихотворца не была беспричинной и не была плодом приятельских комплиментов Сергея Львовича. В доме Бутурлиных, богатых дальних родственников Пушкиных мальчика Пушкина как-то увидел и услышал Реми Жилле, высокообразованный француз, ставший впоследствии директором Ришельевского лицея в Одессе. В то время в силу обстоятельств он был вынужден некоторое время служить у Бутурлиных гувернёром. Стихи юного сочинителя, и сам его вид произвели на чуткого французского незнакомца незаурядное впечатление, и он стал первым, кто предрёк московскому юнцу великое будущее.

Достаточно известен случай, когда в парке у дома тех же Бутурлиных стайка барышень с альбомами в руках окружила Пушкина, прося его стихов, а кто-то из гостей на том же вечере

продекламировал его куплет, но не совсем точно, отчего Пушкин пришёл в крайнее смущение и сначала убежал из гостевой залы в библиотеку, а потом в расстройстве вообще отправился домой.

По поводу этой истории с его смущением хотелось сказать вот что. Когда говорят о Пушкине в детстве и юности, очень часто отмечают ту перемену, которая случилась с ним в шестилетнем возрасте – говорили об этой перемене и мы с Вами. В этом случае все обращают внимание на то, что Пушкин тогда вдруг превратился в шалопая и озорника, каковым он в представлении большинства читающей публики должен был быть чуть ли не изначально. А он был таким, каким он был, и в шесть лет задумчивый и чувствительный ребёнок никуда не подевался, он просто уступил внешнее первенство другому ребёнку, более живому и более заметному. Скажем тут же и больше: задумчивый и чувствительный ребёнок вообще никуда не пропадал до последней минуты жизни поэта – просто о его существовании мало кто к тому времени знал.

Мы уже сказали немало слов на духовные темы, и скажем ещё немало других слов в этом же направлении, но не стараясь противоречить христианскому вероучению, отметим всё же, что по знаку Зодиака поэт родился под созвездием Близнецов, и ему таким образом изначально была присуща некая двойственность чувств и мыслей. Если кто-то мне при этом скажет, что гороскопы – это полная чушь, я задам такому человеку один-единственный вопрос: верит ли он в то, что все дети, рождённые под летним солнцем июня, будут такими же, как дети, рождённые под хмурым небом ноября, и не будут ли все дети, рождённые под солнцем июня хоть в чём-то немного схожи меж собой просто по причине времени

27

своего рождения? Думаю, что ответ на этот вопрос напрашивается сам собой.

Согласитесь так же и с тем, любезный мой читатель, что беспокойный и подпрыгивающий мальчик конечно может написать басенку на потеху родным и стишок в альбом симпатичной девочке, но вряд ли он возьмётся часами читать «Илиаду», творения Плутарха и трагедию Корнелия «Сид», мечтая при этом когда-нибудь написать что-либо подобное. Лень маленького мальчика компенсировалась в Пушкине неугомонностью подростка а скоропалительность того же подростка невидным для других образом сопровождалась задумчивостью маленького мальчика.

Два разных и равных по силе своей начала фактически с детства существовали в Пушкине, и оба они верно служили ему, давая основу поиска гармонии, которую он впоследствии таким дивным образом воплотил в лучших своих произведениях. Не будем говорить о том, что внутренние движения этих обоих начал всегда были параллельны – скорее наоборот, не будем говорить, что они были комфортны для их носителя – скорее наоборот, но гений Пушкина этими движениями питался.

Мало кто знал о существовании в нём этих двух начал, большинство людей видели внешнего Пушкина, продолжавшего линию «проснувшегося мальчика», считая при этом, что это и есть самый настоящий Пушкин. Застенчивого и задумчивого ребёнка в Пушкине видели немногие, тем более, что ребёнка этого поэт во все времена, включая первоначальные, тщательно скрывал. В детстве, однако, спрятаться от других труднее, чем во взрослом возрасте, вот мы и находим в воспоминаниях о юном Пушкине наблюдения о том, как он, засмущавшись по той или иной причине, убегал от собравшихся в доме людей в какую-нибудь дальнюю комнату и там предавался одному ему известным невесёлым размышлениям – к удивлению обнаружившего это человека, а ведь удивляться-то в таких случаях было и нечему.

Время шло, и Пушкин приближался к своему двенадцатилетнему возрасту, а его родители вместе с тем приближались к необходимости определения его дальнейшей судьбы. На семейном совете поначалу было решено определить сына в закрытый иезуитский пансион, созданный специально для детей русских аристократов. Мы можем по достоинству оценить это

интересное решение, на полном серьёзе пришедшее в голову человеку, который восхищался трудами другого выдающегося человека, всю свою жизнь посвятившего разоблачению низости католической церкви.

Трудно тут говорить о мотивах Сергея Львовича – вероятнее всего, он исходил из уровня подачи предметов в пансионе, и дальнейшей возможности устройства сына в жизни по окончании учебного заведения, но здесь мы опять подходим к идеологии двойной морали, в которой люди тогдашнего круга семьи Пушкиных не видели ничего необычного – категориями, подобными категориям отца поэта, мыслило большинство светского и полусветского общества. Не подлежит особому сомнению и то, что если бы сам Александр Сергеевич был в своей душе устроен чуть попроще, и поступил в иезуитский пансион, он бы там получил определённые знания, и сформировал бы собственную систему двойной морали, которая впоследствии дала бы ему возможность спокойно существовать в обществе, но небеса распорядились иначе. Судьба поэта предполагает поиски, а иногда и метания, но не предполагает двойной морали.

В начале 1811 года Сергей Львович и Надежда Осиповна узнали, что под Петербургом в Царском Селе организовывается, и с сентября месяца будет открываться Императорский лицей для детей из привилегированного сословия, что заведение это будет функционировать на совершенно новых оригинальных

28

принципах, и что попасть туда будет весьма непросто. Сергей Львович загорелся идеей устроить сына именно туда, в новый лицей, и начал искать пути для решения образовавшейся задачи. Он имел близкое знакомство с братьями Малиновскими, один из которых будет директором нового учебного заведения, а второй заведует Московским архивом иностранных дел, и такое же, если не ещё более близкое знакомство с И.И. Дмитриевым, московским соседом и поэтом, а с недавних пор – министром юстиции. Эти три человека могли серьёзно влиять на попадание юного Пушкина в число кандидатов на приём в лицей и все они так или иначе на этот процесс положительно повлияли. Ещё одним важным знакомством было знакомство с А.И. Тургеневым, которого в 1810 году назначили директором департамента Главного управления духовных дел иностранных исповеданий. Александр Иванович, бывший к тому же и дальним родственником Пушкиных, решил принять живейшее участие в судьбе мальчика, и его голос, поданный в нужных местах в пользу определения Пушкина в лицей, тоже не остался не услышанным.

1 марта 1811 года Сергей Львович Пушкин направил в Петербург прошение о зачислении его двенадцатилетнего сына Александра в новообразуемый Императорский лицей. Шестеренки механизма поступления начали своё постепенное вращение.

Глава третья.

И во дворцах мнутся души

И во дворцах томится плоть...

Есть такие слова: «пушкинская эпоха». Говоря о ней, мы подразумеваем людей и обстоятельства их жизни в то время, когда жил и творил Пушкин. Но если существует пушкинская эпоха, то, безусловно, существует и эпоха императора Александра Первого. Обе эти эпохи в немалой степени пересекаются друг с другом и местами – плотно, а многими местами – неразделимо. Давайте поговорим теперь о личности императора, который многими знатоками эпохи пушкинской почитается едва ли не одним из главных гонителей великого поэта.

Император Александр Павлович был старшим сыном наследника российского престола Павла Петровича и, соответственно, старшим внуком императрицы Екатерины Второй. При рождении мальчик получил своё имя по желанию императрицы, и был назван в честь Александра Македонского – бабушка предназначала ему в своих мечтах великое будущее.

Екатерина не очень любила своего сына, и очень любила своего внука, который рос красивым, умным, ласковым и отзывчивым ребёнком. Самодержавная бабушка любила Александра так, что даже забрала его у Павла из Гатчины к себе, во дворец в Царском Селе, и там занималась воспитанием юного внука, очевидно полагая сделать своим наследником именно его, а не сына, поскольку считала Павла неспособным к управлению огромной империей. Екатерина была несомненной интеллектуалкой, пристально следила за европейскими тенденциями и стремилась во многом следовать духу своего времени. Поэтому воспитателем Александра был назначен Фредерик Лагарп, высокообразованный швейцарец с республиканскими якобинскими взглядами.

Мы уже говорили о том, что Лагарп сумел привить своему воспитаннику либеральные взгляды. Напомним, что Александр некоторое время даже всерьёз высказывал идею о преобразовании России в некое подобие свободной республики под своим правлением. Такое парадоксальное влияние швейцарского учителя на мировоззрение воспитанника нравилось при дворе не всем, и Лагарп,

29

не порывавший связей с республиканцами у себя на родине, по причине этих связей со временем был отстранён от своей должности и покинул Россию, но Александр на всю свою дальнейшую жизнь сохранил доброе к нему отношение.

Обучение Александра не ограничивалось уроками Лагарпа. Юного великого князя учили разные учителя разным предметам. Граф Салтыков – искусству соблюдать традиции русского аристократического общества, и отец Павел Петрович – основам военного дела так, как он их понимал, в первую очередь это касалось военных парадов и стрельб из разных видов оружия.

Диаметральная разница мировоззрений и жизненных подходов Екатерины Второй и Павла Петровича, а также взаимное неприятие их друг другом, создавали Александру величайшую трудность в построении правильных отношений с бабкой и отцом, и тут замечательным помощником юного наследника выступил граф Салтыков. Он был одним из официальных воспитателей великих князей Александра и Константина и потому имел немалые рычаги влияния на юного Александра. Пожалуй, именно Салтыков первым рассмотрел в своём воспи-

таннике выдающийся дипломатический талант и с ранних лет сумел дать этому таланту практическое применение.

Александру от природы была свойственна лёгкость умственного восприятия и повышенная, но поверхностная душевная чувствительность. При этом он не любил глубоко вникать в суть познавательных процессов и в силу поверхностности легко переключался с одних переживаний на другие. Эти свойства помогли ему найти верный тон в отношениях с Екатериной и Павлом. Салтыков оказался здесь как нельзя кстати – это был один из немногих, если не единственный человек, умевший быть своим и при Екатерине и при Павле. Своё искусство он преподавал и царственному воспитаннику, исходя из свойств его характера. Безусловно, именно тогда в Александре заложились, и вскоре в достаточной мере обнаружилась известная всем впоследствии внешняя двойственность его личности, которая в первую очередь проявлялась его способностью выглядеть в глазах собеседника или группы собеседников тем, кем его хотели в данный момент видеть. Вот так и вышло, что с некоторых пор в Царском Селе в нём видели благовоспитанного, аристократичного и утончённого салонного юношу, а в Гатчине – стойкого и уверенного в себе, немногословного, почитающего чёткий военный порядок молодого человека.

Екатерина, видя его душевную чувствительность и нежелание слишком глубоко погружаться в изучение серьёзных наук, решила не затягивать с женитьбой потенциального наследника трона и подобрала ему в Германии невесту, юную баденскую маркграфиню Луизу Марию Августу. Молодые люди понравились друг другу, и в мае 1793 года пятнадцатилетний Александр по воле и благословию своей царственной бабушки обручился с четырнадцатилетней Луизой Августой, которая после православного крещения стала называться Елизаветой Алексеевной, а осенью того же года женился на ней.

Первый период их брачной жизни был относительно благоприятным, многие, видевшие их в это время, говорили о них, как «о паре голубков». Но в 1796 году умерла императрица Екатерина, на троне воцарился Павел Первый и жизнь молодых изменилась. У Елизаветы не заладились отношения с матерью Александра, императрицей Марией Федоровной, как говорят, из-за её красоты и грации, а также любовного отношения к памяти умершей императрицы Екатерины. Александр вырос, из мальчика на глазах превращался в очень импозантного и привлекательного молодого мужчину, весьма избалованного вниманием придворных дам. Романтический период отношений Елизаветы и Александра постепенно закончился серьёзным охлаждением со стороны юного

30

супруга.

Детей у молодой пары долгое время не было, и пока Елизавета в фактическом одиночестве страдала от неудовлетворённых душевных желаний, Александр мало общался с ней и позволял себе вольности, в том числе и с дамами. В конце концов, где-то в 1797 году он очень серьёзно влюбился в Марию Нарышкину (урождённую Четвертинскую), польскую красавицу, бывшую замужем за русским аристократом. Нарышкина была не только ослепительно красива, но ещё и замечательно умела эту свою красоту подчеркнуть, и показать, так что в увлечении ею Александра нет ничего удивительного. Александр стал жить с Нарышкиной почти открыто, она имела от него нескольких детей, умерших во младенчестве и дочь Софью, дожившую до восемнадцатилетнего возраста и очень любимую Александром. Муж Нарышкиной подчёркнуто дистанцировался от образа жизни своей супруги и не высказывал по этому поводу никаких суждений, за что был почтён немалым количеством разных регалий.

Елизавета тяжело переживала своё одиночество и в итоге влюбилась в друга и сподвижника своего мужа, польского аристократа князя Чарторыйского, и скорее всего, именно от него в мае 1799 года родила дочь, которую Александр признал своей, несмотря на внешнее несходство ребёнка с обоими родителями.

Хотя именно Александр подталкивал Чарторыйского к уходу за собственной женой, внешним показным образом подначивая его к этому, рождение ребёнка, дочери Марии, привело к ещё большему охлаждению между супругами. Смерть дочери, последовавшая примерно через год после её рождения, не изменила характера их отношений.

Государственная жизнь между тем шла своим чередом. Император Павел проводил внутреннюю политику, направленную на некоторое ограничение прав дворянства, что вызывало серьёзное недовольство в дворянской среде. Во внешней политике деятельность Павла серьёзно противоречила интересам Англии. Эти два фактора оказались решающими в возникновении заговора с целью убийства действующего императора. Во главе заговора находились несколько высокопоставленных лиц, в том числе – и английский посол в Петербурге.

Александр, похоже, был осведомлён о готовящемся перевороте, но ничего не предпринимал для его предотвращения. Справедливости ради, даже при желании что-либо предпринять в этом случае он ничего не смог бы сделать – участь Павла была предрешена, а у Александра на тот момент времени в руках не было никаких инструментов влияния на политическую ситуацию. В отношении же его стремления к высшей власти следует отметить, что сразу после смерти Екатерины он собственноручно, и абсолютно добровольно, отдал отцу в руки бумагу, подписанную императрицей перед смертью, и провозглашавшую Александра её наследником. Павел тут же сжёг бумагу в камине и после этого взойшёл на престол, утвердив при этом закон о престолонаследии, который наконец-то на много лет прекратил бесконечную чехарду на российском императорском престоле.

Александр по благодущию своему видимо надеялся на то, что заговорщики оставят его отца живым, уговорив его просто отречься от власти, но не таков был Павел, и заговорщики это наперёд знали. Этого мог не знать Александр, поставленный ими прямо в ночь убийства перед необходимостью вступления на трон.

Практически сразу после воцарения на Александра свалился величайший груз ответственности за огромную страну. При вступлении на престол, он едва ли не в первый день пообещал, что при нём всё будет идти так, как шло при Екатерине, и

31

действительно, он быстро отменил многие установления своего отца в пользу прежних установлений Екатерины, чем успокоил волнение дворянства по поводу принятия высшей власти в свои руки.

Но дело этим ограничиться не могло – и сам Александр мало чем был похож на свою бабушку, и времена переменялись, и люди вокруг переменялись, и всё это требовало новых государственных решений. Либеральное воспитание Александра и наличие в ближайшем его дружеском круге нескольких умных и деятельных молодых людей, мыслящих, как и он, либеральными категориями создавало в душе приступившего к обязанностям императора реформаторский посыл. Уже в мае 1801 года из этих молодых людей, в число которых входили граф П.А. Строганов, граф В.П. Кочубей, князь А.А. Чарторыйский, Н.Н. Новосильцев, по предложению Строганова образовали Негласный комитет при императоре, взявший на себя ответственность за ход реформ в государстве.

В Негласном комитете прорабатывались идеи изменения механизма государственного управления. В частности, на основе его решений был издан «Указ о вольных землепашцах», позволивший крестьянам выкупаться на свободу вместе с землёй. Большого практического значения указ не имел, по нему от помещиков смогли выкупиться меньше 40 тысяч семейств, но указ этот положил начало освобождению крестьян от крепостной зависимости, которую сам Александр понимал, как величайшее государственное зло, выход из которого, впрочем, был весьма не прост и неоднозначен, поскольку земельный и крестьянский вопрос в земледельческой стране с крепостным правом так или иначе задевал коренные интересы подавляющей части населения.

Негласный комитет не был официальным органом, и хотя почти все его члены получили конкретные государственные должности, даже в силу своего наименования комитет действовал больше по вдохновению, чем по обязанности, а Александру на ниве реформ требовался конкретный, эффективный и вдохновенный деятель, и такой деятель нашёлся.

Этим человеком стал Михаил Михайлович Сперанский, сын священнослужителя, человек, своим умом и талантом поднявшийся до самых больших государственных высот и неформально бывший в период с 1806 по 1811 годы фактически вторым человеком в государстве. Талант Сперанского соединил в себе дарование выдающегося практического деятеля и дарование философа-аналитика. Всё это сочеталось в нём с замечательной работоспособностью и самодисциплиной. Этот человек умел написать простым и абсолютно ясным языком любую государственную и частную бумагу, мог незакомплексованным взглядом посмотреть практически на любой предмет и тут же схватить самую его суть, не видную для других людей. К примеру, о свободах в современном ему российском государстве он мог высказаться следующим образом: «Итак, вместо всех пышных разделений свободного народа русского на свободнейшие классы дворянства, купечества и прочее, я нахожу в России два состояния: рабы государевы и рабы помещичьи. Первые называются свободными лишь в отношении ко вторым, действительно же свободных людей в России нет, кроме нищих и философов». Понятно, что Александр, воспитанный Лагарпом в либеральных традициях не мог не поддаться обаянию такого человека и не предоставить в его руки административных и законодательных возможностей. Надо тут сразу отдать должное и Сперанскому в том, что он никогда не пользовался этими возможностями в личных целях.

Не будем, однако, нарушать хронологической последовательности событий. В 1803 году Негласный комитет был распущен и реформированием имперских установлений занялся Сперанский. Он заменил глубоко устаревшие петровские

32

коллегии многим более современными министерствами. Всех проблем управления один этот ход не решил, но государственная машина вследствие этой перемены однозначно стала более управляемой.

Сперанский подал царю проект документа по преобразованию России в конституционную монархию. Мы с Вами знаем, что эта идея с дальнейшим её развитием изначально была очень близка Александру, но к 1806 году взгляды царя на образ правления начали претерпевать постепенные изменения. Он благосклонно оценил проект Сперанского, но хода ему не дал по разным причинам – в том числе и из-за сильной оппозиции Сперанскому, постепенно сформировавшейся в ближайшем царском окружении. Оппозиция группировалась вокруг графа Аракчеева, который признавал ум Сперанского, говоря, что если бы у него, у Аракчеева была бы хоть треть ума Сперанского, он был бы величайшим человеком. При этом, Аракчеев, признавая за Сперанским его ум, считал для себя совершенно необходимым бороться с его идеями и попытками их воплощения в жизнь.

Между прочим, не стоит считать Аракчеева ограниченным противником передовых идей, как это у нас давно повелось, и с лёгкой руки Пушкина в том числе. Аракчеев был безукоризненно честным, требовательным, исполнительным и весьма неглупым руководителем. Любой администратор-практик, стремясь достичь результата, в своей деятельности опирается на конкретные механизмы общественного устройства. Аракчеев видел, что механизмы, внедряемые по идеям Сперанского, в российских условиях хорошо не работают, а то и не работают вообще, но при этом нововведения разрушают старые, проверенные временем способы достижения результата. Против этого честный Аракчеев не мог не протестовать, ну, а вокруг него, как вокруг сильного и влиятельного человека, объединялись и искренние, и корыстолюбивые противники нововведений.

Сперанский тем временем изменил устав духовных училищ, что подняло их на более высокий уровень, и облегчил жизнь церковных приходов, издав специальный документ о свечном сборе.

Высоко ценя своего сотрудника, Александр поручил ему подготовку общей политической государственной реформы. В рамках этого направления Сперанский занялся общей систематизацией государственных законов, по его инициативе были введены государственные экзамены для получения чинов коллежского асессора и статского советника, дававших право на дворянство.

Реформатор плотно занимался проблемами народного образования, и в числе его проектов, поданных в этом направлении, были «Предварительные правила для специального Лицея», в котором он намечал принципы обучения и воспитания, предложенные для привилегированного учебного заведения. Сперанский предлагал организовать такое заведение под императорским покровительством и в императорской резиденции, и отбирать туда особо одарённых детей для высококачественной подготовки их к дальнейшей работе на важнейших государственных должностях. Идея Лицея получила высочайшее одобрение. Царь даже пожелал там обучать своих младших братьев Николая и Михаила – идея близкого контакта великих князей с их будущими сотрудниками показалась Александру весьма полезной и интересной.

В 1808—1809 годах Сперанский предложил вниманию Государя план всеобъемлющего государственного переустройства. В этом плане предусматривалась программа разделения властей и создание выборного органа представительной власти. План этот вызвал сильнейшее неодобрение высшего чиновничества и аристократии.

В 1810-1811 годах с целью покрытия финансового бюджетного дефицита по
33

инициативе Сперанского был введён ряд новых налогов, в том числе, налог на дворянские имения, и тогда же император утвердил второй этап министерской реформы, предложенный Сперанским.

Почему мы, говоря о молодом царе, столько времени уделили здесь Сперанскому? Потому что он был мотором либеральных устремлений императора Александра Первого. Сперанский стремился в наиболее оптимальной форме воплотить то, о чём император мечтал, но не знал, как именно это сделать. Но Александр был бы плохим правителем, если бы он слушал одного только Сперанского, и самое главное – он в этом случае не был бы самим собой.

Реформы Сперанского задели все слои российского общества, и в наибольшей степени – дворянство и чиновничество. Дальнейшее расширение реформ по некоторым направлениям начинало грозить самим основам существования этих классов и на этой почве могли произойти серьёзные потрясения. Это чувствовали многие, а кое-кто решился ещё и действовать.

В 1811 году император поехал в гости к родной сестре в Тверь, где она жила, и там Николай Михайлович Карамзин, известный историк и писатель, во время торжественной встречи подал ему к прочтению «Записку о древней и новой России в её политическом и гражданском отношениях». Карамзин был единственным человеком в России, носившим звание историографа, которое в 1803 году сам Александр ему и присвоил, признавая тем самым исключительное положение Карамзина в ряду тогдашних историков. Но Карамзин не только хорошо знал историю – он ещё был и абсолютно честен, нестяжателен, был талантливым писателем-беллетристом и отлично разбирался, как бы мы теперь сказали, в вопросах экономики современного ему российского государства. Александру всё это было прекрасно известно.

Карамзин в своей записке вначале дал блестящий очерк истории государства Российского, начиная с княжеских времён. Положение дел в государстве на каждый период времени сопровождалось очень глубокой, краткой и ёмкой психологической характеристикой всех мало-мальски заметных правителей государства Российского. Карамзин очень смело, честно и в то же время тактично сумел охарактеризовать и деятельность Екатерины Второй и Павла

Первого, отца и бабки Александра. После этого в записке он перешёл к оценке текущих изменений в стране, наступивших от этого последствий и сформулировал предостережения о последствиях, могущих наступить в том случае, если преобразования в стране продолжатся в избранном прежде ключе. Записка была написана с убийственной психологической точностью, с сильнейшим знанием экономических и бытовых российских реалий и в высшей степени обоснованно призывала к сохранению роли самодержавия в стране, а в плане реформ призывала к крайней осторожности и постепенности их внедрения в жизнь.

При чтении записки Карамзина Александр не мог не испытать сильнейшего впечатления, хотя он к нему уже был в некоторой степени подготовлен ходом предыдущих событий, а у Сперанского немного неожиданно обнаружился выдающийся по силе противник, который сумел нанести ему в сознании императора тяжёлый удар.

Мы с Вами уже говорили о гениальном умении Александра представлять в глазах человека тем, кем его хотели видеть и по этому, естественному для себя свойству, он не мог выглядеть в глазах Аракчеева или Карамзина тем же человеком, каким он выглядел в глазах Сперанского. Император видел, что благие побуждения хорошего человека Сперанского очень жёстко пересекаются с желаниями и стремлениями не менее достойных людей, представляющих диаметрально противоположные общественные интересы, пересекаются с

34

реалиями общественной и государственной жизни. Александр, к тому времени надёжно укрепившийся на троне, не мог не слушать аргументы различных сторон своего окружения, и если в начале его правления в сознании молодого царя преобладали либеральные воззрения, то уже к концу первого десятилетия своего правления император начал придерживаться гораздо более консервативных, чем прежде, воззрений. Сперанский временами начал просто утомлять не очень склонного к непрестанному глубокому размышлению государя. Это замечательно уловили лукавые царедворцы в его окружении. Александру были умело представлены несколько историй, представлявших Сперанского в не очень приглядном свете и в марте 1812 года неутомимый реформатор был отставлен от должности с последующей высылкой из Петербурга.

Когда мы говорим о высоких причинах устранения Сперанского, мы тут же не можем не упомянуть и одну не очень высокую причину этого события. Император Александр очень хорошо помнил урок, преподанный ему лично на примере судьбы его отца, и он не мог не понимать, что если кардинальные интересы верхушки общества полностью разойдутся с направлениями его деятельности, он просто может быть убит. Не учитывать этого царь не мог, ему надо было гармонизировать отношения с основной частью своего окружения, и он сделал это.

Итак, в делах государственного управления Александр Первый провёл своё первое десятилетие в трудных исканиях, балансируя между либеральными идеями юности и консервативной реальностью подвластной ему страны. В его личной жизни тоже было всё не просто.

Любовница, потрясающая Нарышкина, отношениями с которой он очень дорожил, которая в реальности была его второй женой, которая рожала ему детей, с определённого времени начала ему изменять. Вообще, фраза «измена любовницы» звучит немного юмористически – всякая любовница – изменница априори, изменница по факту своего положения, потому что изменяет мужу с любовником, а любовнику – с мужем, то есть, у неё в голове одновременно находится два мужчины, и в этом случае не произойдёт ничего удивительного, если вдруг на определённом этапе в той же самой голове, а потом и в жизни появится третий, четвертый и т.д. мужчина. Конечно, если любовник – император, то надо иметь немалую смелость или авантюризм для того, чтобы решиться на дополнительный адюльтер, но в мире интимных отношений всегда хватало весьма авантюрных людей. Именно такой была Мария Нарышкина. До поры император, как и всякий любовник, наверняка не знал об отношениях Нарышкиной с другими мужчинами, но не чувствовать, что в его любви не всё идёт так, как ему хочется, он не мог.

Неприятными для него были и отношения его официальной жены, императрицы Елизаветы Алексеевны с красавцем, штаб-ротмистром Кавалергардского полка Охотниковым. Всякий мужчина, даже постоянно изменяя жене с какой-нибудь любовницей, пребывает в уверенности, что его жена, даже зная об измене, обязана хранить супружескую верность. Елизавета Алексеевна, почти оставленная Александром, в большинстве времени пребывавшая в одиночестве, чуть ли не без памяти влюбилась в статного кавалергарда. История продолжалась два года и закончилась беременностью Елизаветы и гибелью Охотникова – при выходе из театра его ударили ножом, и он вскоре умер от раны. По другой версии, кавалергард скончался от скоротечной чахотки. Елизавета находилась уже на девятом месяце беременности и была в безутешном горе. Вопреки всем светским приличиям, она последние часы жизни Охотникова провела возле постели возлюбленного. Вскоре родилась девочка, которую по

35

имени матери нарекли Елизаветой. Император признал ребёнка своим, но был доволен тем, что ребёнок – не мальчик. Маленькая Елизавета составила величайшую радость своей матери. Елизавета Алексеевна проводила с ней большую часть своего времени, но у девочки трудно резались зубы, и в полуторагодовом возрасте на фоне сомнительного лечения по этому поводу девочка умерла. Мы не берёмся здесь описывать горе матери – оно было безграничным.

Итак, личная жизнь императора на этом этапе, как и его государственные дела, тоже была весьма не проста, и тоже заставляла его раздвигаться между посредственно выполнявшимся им супружеским долгом и весьма продолжительными, но, как оказалось, внутренне нестабильными отношениями с любовницей. Кстати, увлекался ли император ещё кем-то во время отношений с Нарышкиной, нам не известно.

Когда кто-либо начинает говорить о личности Александра Первого, ему непременно придётся рано или поздно сказать что-нибудь о двойственности личности этого человека. При этом многие авторы начинают рассуждать о том, что его внешняя двойственность была причиной двойственности внутренней, но здесь мы можем с ними основательно поспорить. Да, Александр действительно мог произвести на двух разных людей два совершенно противоположных впечатления, но это совершенно не говорит о нём, как о внутренне двойственном человеке, это всего лишь говорит о его искусстве дипломата, может быть – актёра, хотя настоящий дипломат обречён быть до определённой степени и актёром.

Умение произвести на человека правильное впечатление в мире, в котором жил Александр, имело величайшее значение, и он просто пользовался талантом, данным ему Богом. Но заметьте: почти никто из людей, близко знавших Александра не обвинял его в лицемерии и подлости, люди, равнодушные к его недостаткам, всегда обвиняли царя в неискренности, но неискренность и двоедушие – это два разных состояния. По большому счёту, даже мы, простые люди, совершенно не обязаны вести себя искренне со всеми своими собеседниками, и не ведём, и не видим в этом ничего плохого, вполне разумно предполагая негативный для себя исход при появлении излишней искренности в сложных жизненных ситуациях. Напомню Вам о том, что жизнь императора Александра едва ли не с самого начала его сознательного бытия представляла из себя одну непрерывную сложную жизненную ситуацию.

Истинное двоедушие, то есть, двоечувствие, или истинное двоемыслие абсолютно несвойственно естественной человеческой природе. Автор этой книги, кроме всего прочего, по профессии является психиатром, и с абсолютной уверенностью может сказать, что человек, обнаруживающий раздвоение чувств и мыслей является психически больным человеком, в психиатрии даже существует специальный термин для таких состояний – «амбивалентность». Амбивалентность в очень серьёзной степени свойственна больным различными психозами, в первую очередь – больным с шизофренией. Кстати, сам термин «шизофрения» переводится

с греческого как «расщепление мышления». Нормальное человеческое мироощущение стремится к целостному внутреннему мировосприятию.

Люди, описывавшие личность Александра Первого, упрекали его в самых разных недостатках, но ни один из них не решился обнаружить у императора признаки психического заболевания. В полной адекватности его мыслей и чувств никто из его друзей и врагов не усомнился. Скорее, людей в нём раздражало то, что они не могли в эти мысли и чувства проникнуть, но согласитесь, что это –

36

совсем другая история.

То, что Александр был высокочувствительным человеком, не вызывает никакого сомнения – иначе он никогда не смог бы так гениально, чуть ли не автоматически подстраиваться под собеседника, как он умел это делать, и находясь в условиях, когда его постоянно рвали на части консерваторы и либералы, жена, любовница и другие женщины, желавшие занять место любовницы, союзники и противники.

Было в душе у Александра ещё одно тягчающее его душу обстоятельство – невольное участие в убийстве отца. Он ведь знал о существовании заговора, и не предпринял никаких действий по его разрушению. В самом меньшем случае он был пассивным свидетелем убийства, а в наибольшем случае – соучастником убийства, кстати, именно так степень его причастности к устранению Павла Первого тогда оценивали многие европейские политики, так Александра оценивал Наполеон, в роли соучастника убийства его иногда изображали карикатуры во французских газетах. Как минимум, косвенным соучастником убийства отца его считали и многие в России. Другое дело, что при крайней непопулярности Павла в дворянской среде Александра за этот поступок не все жёстко порицали, но факт при этом остаётся фактом: Александр не мог не знать европейских оценок своей личности и не мог иногда не чувствовать насмешливый шепоток за своей спиной.

В силу политической слабости при восшествии на престол, и, очевидно, из-за мучительных моральных терзаний Александр не стал сурово наказывать участников цареубийства сразу после гибели отца, но затем, в течение довольно непродолжительного времени он всех их под разными предлогами удалил из Петербурга и Москвы, предоставив суду собственной совести – наилучшее, пожалуй, решение, на которое способны далеко не все. При этом понятно, что личных нравственных мук императора это никак не уменьшило, а недовершённая месть не потешила мелкое человеческое самолюбие, хотя тут мы обязаны будем отметить: Александр по природе своей не был мстителем, расправу над обидчиком, находящимся в ущемлённом положении, он несомненно считал недостойным действием, и в подавляющем большинстве случаев не опускался до унижающих его достоинство расправ.

Что же мы видим? Мы видим, что Александр Первый, человек от природы имевший высочайшую чувствительность, тонкий ум, и не имевший мощной воли был обречён искать какую-то точку опоры, позволявшую ему сохранять умственное и душевное равновесие. Где же он мог обрести эту точку опоры?

Мы с Вами уже говорили о том, что будущий император воспитывался по европейским канонам воспитания того времени. Религиозность многих людей, окружавших его в детстве и юности, носила напускной характер, а некоторые из тех, кого юный Александр глубоко уважал, например, Лагарп, вообще не верили в Бога. Книги, которые читал юный Александр Романов были теми же книгами, которые читал Сергей Львович Пушкин и все остальные люди круга образованных русских людей, только подбор этих книг был более систематичен и изыскан, а так, это были те же творения древних авторов, французская классика и неизменный Вольтер со товарищи. Чтение этих произведений безусловно способствовало просвещению личности, но мало развивало её духовно – мы об этом говорили.

Отсутствие твёрдой внутренней платформы не позволяло Александру ни отрицать бытие Божие, ни становиться глубоко верующим человеком. На его счастье, явных убеждённых атеистов, ретиво пропагандирующих свои взгляды, в его окружении не было, как, к сожалению, довольно долгое время возле него не было и истинно верующих людей, то есть, и здесь он был обречён колебаться

37

между не слишком чёткими разномыслиями своего круга.

К чему приходит необразованный, но наблюдательный крестьянин в том случае, если христианская вера полностью не заполнит его душу? Необъяснимое в природе обязательно приведёт его к некоторым суевериям, и через них – к идее каких-нибудь духов, русалок и домовых. К чему должен прийти наблюдательный образованный и не слишком много трудящийся городской человек в том случае, если он не обрёл должного почтения к христианству? Он непременно в конце концов заметит, что ему в церкви стоять не с руки, потому что там обретаются какие-то не очень чистые и тёмные, мало чему обученные люди и что этим людям преподаётся некая концепция добра, но в настолько примитивной форме, что по-настоящему образованный человек с этой концепцией согласиться никак не может. Ещё такой человек обязательно заметит, что руководители этих людей, то есть, священники, пользуются своим положением исключительно из соображений личной выгоды, а значит, текущее движение вещей этих священников устраивает, что им и дальше нужно держать этих тёмных людей в их прежнем состоянии. Из этих наблюдений следовало элементарное умозаключение: образованному человеку в церкви и делать-то особо нечего, но раз уж так заведено, то в церковь можно являться для приличия в компании таких же приличных людей.

Это, однако, не всё. Наблюдательный человек на то и наблюдательный, чтобы понимать, что не так в мире всё просто, как на первый взгляд кажется. В итоге своих реальных жизненных наблюдений, кто к тридцати, кто – к сорока, а кто – и к пятидесяти годам всё-таки придёт к заключению о том, что того Бога, о котором говорят жадные попы в церкви нет, а вот Что-то есть! Это Что-то есть у каждого в душе и Оно же, видимо, как-то управляет этим несовершенным миром. Более продвинутые наблюдательные люди, не чуждые церковного вероучения могут пойти дальше, и прийти к выводу о том, что Бог вообще скорее всего есть, но священники конкретных церквей либо извратили начальную суть вероучения, либо скрывают важнейшие принципы мироустройства по самым разным причинам, в первую очередь – по причинам меркантильным,

Что же из этого следует? А следует то, что мир людей так или иначе делится на две части – на посвящённых в тайны бытия, тех, для кого открыта высокая истина такой, какая она есть на самом деле, и на непосвящённых, созданных для того, чтобы их дурачили, чтобы их обманывали и чтобы ими управляли. Исходя из этой логики, посвящённые должны объединяться в закрытые сообщества и там, для общей пользы человечества решать разные высокие задачи, а непосвящённые должны трудиться, направляемые жрецами из числа посвящённых или из числа непосредственно подчинённых им лиц.

О чём это я о таком написал, здесь, в книге о Пушкине? Это я написал о масонах, о тайном их движении, истинная сущность которого до сих пор окутана завесой тайны. Мы не будем пытаться поднимать эту завесу потому, что из нашей затеи в таком случае всё равно ничего не получится, а поговорим лишь об очевидных вещах.

Так или иначе, масонство возникло в городской узкопрофессиональной среде, как союзы людей, объединённых неким корпоративным, недоступным для всех интересом. На каком-то этапе в эти союзы проникли влиятельные интеллектуальные люди, которым с одной стороны, был чужд примитивный подход к духовным потребностям. С другой стороны, эти люди, считая себя умнее и выше остальных, искали возможностей для занятия достойного положения

в обществе. Достойного положения в обществе всегда удобнее достигать, опираясь на некую структуру. Явная структура может вызвать противодействие или даже

38

репрессии со стороны власти, или со стороны противоположной структуры, поэтому гораздо удобнее и незаметнее продвигаться по общественным ступеням с помощью никому не известного и хорошо законспирированного объединения.

Похожим образом действуют преступные сообщества, но моральный и образованный человек не может легко ставить перед собой низменные цели – это противоречит его воспитанию, чувству долга, совести, наконец, здоровой человеческой логике, говорящей о том, что следование правилам добра и справедливости является залогом настоящего и устойчивого жизненного успеха, а значит, идеологией такого тайного общества естественным образом должна быть идеология добра и справедливости, желательна – вечного добра и вечной, неизменной справедливости. У вечного добра и вечной справедливости и причина должна быть Вечной. Вечная причина, она же – истина, не может в таком случае подчиняться каким-то конкретным интересам конкретных людей, люди в таком случае – только служители Вечной причины, ведущей к добру и справедливости, и более вышестоящий в таком тайном сообществе человек – всего лишь более посвящённый в вопросы добра и справедливости служитель Вечной причины или истины. Его дело – это не его выгода, его дело – это служение Вечной причине и обществу. Цель человеческого общества – достижение гармонии, цель тайного общества – управление человеческим обществом на пути к гармонии. Источник гармонии, он же – Вечная причина или истина – некий Абсолют. Как его зовут? Но разве может у Абсолюта быть имя?

Абсолюту можно лишь поклоняться и служить, а имени его знать нельзя, и – не нужно, если кому-то угодно, Абсолют можно называть Богом, и кланяться Ему на удобный манер, но это – совершенно не обязательно, обязательно – признавать существование Абсолюта, следовать принципам добра, справедливости и соблюдать внутренние правила тайного общества.

Понятно, что при такой идеологии подобное тайное общество может иметь устойчивый характер и ему будет легко привлекать в свои ряды новых перспективных членов. Таков или примерно таков был механизм возникновения первичных масонских союзов, или обществ.

Тайные масонские общества со временем стали называться ложами. Их закрытость и рост влияния привлекали к ним дополнительный интерес и наполняли их богатыми и умными людьми, склонными к неформальному управлению важными общественными процессами. Многоступенчатая процедура принятия в члены той или иной ложи позволяла тщательно оценить возможности и стремления очередного кандидата, и дальнейшую степень его вовлечения в деятельность ложи на каком либо направлении.

На определённом этапе развития масонского движения с масонами произошло то, что обязательно должно было произойти с любой закрытой корпорацией: ложи под маркой служения интересам общества вообще стали служить интересам своих, масонских обществ, а интересы каждой конкретной масонской ложи закономерно стали определяться тщательно замаскированными интересами её верхушки.

Масонские ложи постепенно распространились по всей Европе, и у них было одно интересное свойство: дочерние ложи, почковавшиеся в разных странах и внешне проявлявшие основной интерес ко всякого рода справедливым устроениям и благотворительности, будучи первоначально образованными в каком-либо государстве, должны были всегда проявлять к этому государству всяческую лояльность, и первоначальный устав ложи при этом не подлежал изменению, и должен был выполняться её членами неукоснительно.

При всех внешних достоинствах и высоких задачах масонства нам придётся

39

согласиться с тем, что его глубинная структура носила наднациональный, отчасти интеллектуалистский, отчасти – мистический характер и при минимальной недобросовестности

руководителей лож их деятельность легко могла быть направлена против интересов конкретного государства или его руководителей. Если при этом учесть, что самыми мощными ложами всегда были англо-саксонские и в меньшей степени – французская Великие Ложи, становится понятным, интересами чьих кругов могла тайно направляться деятельность невинных, внешне добропорядочных, и весьма благотворительных организаций. О возможностях ведения разведки через систему масонских лож просто умолчим.

Поскольку самыми влиятельными ложами были английские, нет ничего удивительного в том, что первые ложи в России организовали именно англичане. К примеру, гроссмейстер Великой ложи Лондона лорд Ловель назначил в 1731 году капитана Джона Филиппса провинциальным великим мастером для России, а в 1740-х годах масонские ложи в нашей стране активно организовывал Джеймс Кейт, английский генерал на русской службе, кстати, уволившийся из русской армии в 1747 году из-за обид на русское правительство (может быть, и справедливых), и далее успешно служивший в Пруссии, и также занимавшийся там распространением масонства, но уже среди прусских офицеров. Этот случай, кстати, очень показателен с одной стороны в смысле внешней наднациональности масонских организаций, а с другой стороны – в смысле законспирированности глубинных интересов конкретных масонских лож.

Масонство в России активно стало развиваться в 70-х годах восемнадцатого века, когда кроме основанных англосаксами, но перешедшими под внешнее управление русских масонов, уже имевшихся и активно растущих лож к ним добавились также активно растущие ложи немецкого направления. Русские масоны обоих направлений много спорили между собой, не забывая при этом активнейшим образом постоянно вербовать себе новых и новых сторонников. Всё закончилось формальным объединением русских лож в некую общую струю при сохранившемся расхождении взглядов отдельных лидеров. Центром масонства в России закономерно стала Москва, с одной стороны – как важнейший город империи, с другой стороны – как место, удалённое от нежелательной реакции власти в сторону набирающего силу движения.

Екатерина Вторая, поддерживая просвещенческий дух в своём окружении, в то же время пристально следила за тем, чтобы в обществе не возникали тенденции, угрожающие основам самодержавия. Интуиция, выработанная за долгие годы пребывания на троне, позволила ей безошибочно почувствовать опасность для русской самодержавной власти, исходящую от масонов. Екатерина почувствовала эту опасность тогда, когда внешних её проявлений никаких ещё не было, но это не помешало ей уверенно запретить в 1792 году все масонские ложи в России. Это не значит, что после её запрета все масоны моментально свернули свою деятельность на просторах империи, но они были вынуждены затаиться и законспирироваться.

Император Павел, по восшествии на трон, с большой охотой отменял постановления матери, но в отношении масонов он повёл себя равнодушно, не подвергая их гонениям, и не позволяя вести открытую деятельность, а вот Александр вскоре после прихода к власти разрешил свободную деятельность всех масонских лож в государстве, и это, между прочим, несмотря на то, что почти все руководители убийства Павла Первого были масонами.

Масоны вызвали у молодого, либерально настроенного царя симпатию по нескольким причинам. Во-первых, их идеи в большой степени перекликались с идеями, привитыми ему в юности, а во-вторых, ему импонировала их

40

заряженность на позитивное действие в интересах добра и справедливости. Александр в силу трудностей своего детства и юности очень понимал уязвимость благих помыслов от постоянных воздействий, и не видел ничего странного и плохого в том, что люди собираются тайком для того, чтобы в конечном итоге творить добрые дела. В-третьих, ему нравилась мистическая, таинственная составляющая масонского движения, – нет, он не мечтал стать масоном – сама идеология пребывания на троне категорически противоречит механизму нахождения человека

в масонском обществе, но признание масонами Абсолюта, некоего непознанного Бога, Творца вселенной и вселенской гармонии привлекали Александра.

Император не находил опоры в людях, он не находил опоры в женщинах, его мучила совесть по поводу убийства отца, и масоны, ищущие правильных решений на основе гармонии были до поры ему интересны. Постепенно, однако, размытость и неконкретность их мистического учения, а также сами люди, продвигающие это учение не то чтобы отвратили от себя Александра – нет, но он почувствовал, что в этом направлении он не найдёт спасительных для себя решений.

Не знаю, кто подтолкнул Александра к регулярному чтению Библии вообще, и Евангелия в частности, но к концу первого десятилетия своего правления император начал регулярно читать Священное Писание. Интересно, что делал он это на французском языке, поскольку на русском языке Евангелия тогда не существовало, а церковнославянский язык был труден ему для восприятия. Именно там, в Евангелии, Александр либо уже находил ответы на мучившие его вопросы, либо видел, что ответы на его вопросы там есть, но он пока не способен их понять и принять.

Между всем тем, в его империи был человек, способный внятно ответить на все вопросы императора, но тот пока даже не догадывался о существовании этого человека. Человек жил в Нижегородской губернии, носил монашеское звание, жил в лесу, несколько лет питался одной травой и тысячу дней и ночей провёл в покаянном подвиге столпничества, стоя на каменном валуне. В 1807 году человек на три года принял на себя обет молчания, а в 1810 году, желая далее постигать Волю Божию, ушёл в монастыре в затвор, Человека звали Серафим Саровский.

Глава четвёртая.

Лицейской школы постижение

Нелёгкий путь лицейских проб...

Мы с Вами в предыдущей главе говорили о том, что происходило в высших кругах большого мира великой страны в то время, пока сын московского дворянина Саша Пушкин из маленького мальчика постепенно превращался в мальчика постарше, и превратился наконец в подростка, которому пришла пора учиться не дома, а в каком-нибудь учебном заведении, дающем его выпускнику хорошую жизненную перспективу. Родители будущего поэта для этой цели выбрали вновь создаваемый Императорский Царскосельский лицей.

Что же это было такое – «Императорский лицей»? Новое учебное заведение открывалось по указу императора Александра Первого. От первоначальной идеи в отношении лицея до непосредственного её воплощения в жизнь прошло несколько лет, и эти годы существенно переменили изначальный смысл открытия этой высокой школы. В предыдущей главе мы говорили о том, что Александр Первый, ещё не оставивший в то время идей своего юношеского воспитателя Лагарпа и подталкиваемый Сперанским, тогда ещё не потерявшим своего влияния

41

на государя, задумывал лицей как место, в котором его младшие братья Николай и Михаил будут учиться вместе с детьми из передовых дворянских семей, и таким образом с одной стороны, с ранних лет приблизятся к обычному человеческому окружению, а с другой стороны, вместе с царскими сыновьями на высшем преподавательском уровне для практической государственной работы будет сразу подготовлена целая плеяда перспективных молодых людей.

Нестандартная задумка при своём появлении сразу же получила и сторонников, и противников, и все они при этом как-то стремились повлиять на ход событий вокруг образования лицея.

Началось с того, что вдовствующая императрица Мария Федоровна не захотела, чтобы её дети учились вместе с пусть и дворянскими, но всё-таки не царственными детьми. Александр не мог отказать матери, и идея обучения царевичей в лицее плавно отпала, хотя не отпала идея размещения учебного заведения в царской резиденции. Под лицей определили бывшие апартаменты великих княжон. Поскольку было решено, что братья императора будут учиться по отдельному плану, учебной программой император уже не сильно интересовался, и по мере удаления Сперанского от дел, планы либерального обучения в лицее постепенно трансформировались в сторону классического обучения. Ко времени реального открытия лицея планировалось, что там будут обучать по программе университета, но с некоторыми государственными приоритетами. Несколько крупных державных сановников по очереди приложили свою руку к списку предметов, от чего он приобрёл солидный вид в сочетании с некой неудобоваримостью и странноватостью. При этом общую учебную программу следует признать по преимуществу гуманитарной. Основную часть дисциплин составляли нравственные, словесные и исторические предметы. Из точных наук преподавалась математика, начала физики и космографии, статистика и такой интересный и не очень понятный нам предмет, как математическая

география. Существенной частью образовательной программы были танцы, фехтование, плавание, конная езда и рисование.

Император на всё в итоге согласился и подписал указ об открытии лицея 19 октября 1811 года. Дело оставалось за малым: надо было набрать преподавателей и учеников.

Сергей Львович в силу обстоятельств, в первую очередь – из-за занятости по службе не мог себе позволить длительное пребывание с сыном в столице, а дело устройства ребёнка в лицей не сводилось к простому приезду на экзамены – надо было покрутиться в правильных местах, неким образом заявить о себе, представиться в нужном свете, чтобы ко времени экзамена у нужных людей сложилось нужное мнение, и чтобы экзамен был успешно в таком случае сдан.

Спасительную помощь Сергей Львович получил от брата Василия, который с удовольствием согласился помочь племяннику, и в июне 1811 года выехал с ним в Петербург.

Василий Львович в то время находился на пике своей литературной славы. Он как раз написал и издал поэму «Опасный сосед», не лишённую некой фривольности. За эту поэму он был даже обвинён своими противниками в безбожии, и ему пришлось оправдываться за это, в том числе – и в стихотворной форме, спрашивая своих противников о том, пострадает ли его вера в том случае, если он прочтёт что-нибудь из Вольтера. Это обвинение и дискуссия по его поводу ничем печальным для Василия Львовича не закончились, но давайте вспомним, что официальное обвинение в безбожии в те времена в обществе, даже и с подточенной верой, звучало очень серьёзно и могло повлиять на судьбу

42

человека.

Василий Львович был активнейшим участником литературно-языкового спора между так называемыми шишковистами и карамзинистами.

Шишковисты, последователи и сторонники известного литературоведа (и адмирала, между прочим) А.С. Шишкова настаивали на сохранении традиционных основ русского языка, широком вводе просторечных форм в литературный обиход, на активное употребление славянизмов в письме и максимальное уменьшение использования иностранных слов. Аргументация Шишкова была весьма мотивированной, и для защиты и утверждения своих литературных убеждений в 1811г. он вместе с Г.Р.Державиным основал литературное общество «Беседа любителей русского слова», к которому примкнули многие видные литераторы того времени, включая И.А. Крылова и А.С. Грибоедова.

Карамзинисты, естественно, были последователями известного писателя и выдающегося историка Н.М. Карамзина, стремившегося к развитию русского литературного языка в современном направлении, в придании ему новых, более динамичных форм, к поиску средств выражения в родном языке утончённых мыслей и чувств. Естественно, карамзинский подход вызвал одобрение у значительной части европеизированного писательского сообщества и у подавляющего большинства писательской молодёжи. Известными сторонниками Карамзина были В.А. Жуковский. К.Н. Батюшков, будущий министр просвещения С.С. Уваров и другие. Интересно, что сам Карамзин в это время уже в основном занимался не литературой, а историей, в дискуссии почти не участвовал и с уважением относился к Шишкову и его единомышленникам.

Как раз перед поездкой с племянником в Петербург Василий Львович отдельной брошюрой напечатал «Два послания», адресованные Жуковскому и Дашкову. В посланиях автор вёл активную полемику с шишковистами.

По приезде в Петербург Василий Львович поселился в центре города на Мойке и стал активно посещать друзей и знакомых, везде возя с собою и племянника. Таким образом, подросток Пушкин оказался вовлечён в самую гущу тогдашних литературных событий и, естественно, от его наблюдательного взгляда и живого ума не могло ускользнуть ничего из доступ-

ных его незаурядному пониманию бесед солидных литераторов. Пройдёт совсем немного времени, и уже сам Пушкин станет деятельным участником пока что только наблюдаемых им литературных дискуссий.

В первой половине августа в приёмной министра народного просвещения графа А.К. Разумовского состоялся экзамен для соискателей мест в лицее. Естественно, были там и Василий Львович с Александром. Экзамен протекал в форме индивидуального доброжелательного собеседования, такая же доброжелательная атмосфера была и в приёмной, где некоторые мальчики смогли даже познакомиться друг с другом. Именно там и произошло, кстати, первое знакомство Пушкина с И.И. Пушковым, переросшее в итоге в верную многолетнюю дружбу.

Пуштин во время поступления в лицей жил у своего деда на Мойке, рядом с Пушкиными. Поскольку результат экзамена был объявлен не сразу, обоим мальчикам надо было оставаться в Петербурге, и они начали часто встречаться и проводить друг с другом немало времени. Пуштин при этом сразу обратил внимание на то, что его новый друг прочёл несравненно больше книг чем он, и имеет взрослое понятие о предметах, о которых он, Пуштин, особо никогда и не помышлял, но при этом Пушкин никогда не бахвалился своим знаниями, а наоборот, как бы немного стеснялся их, и если при разговоре на серьёзную тему вдруг возникал повод подуматься, побегать или даже покривляться, Пушкин

43

пользовался этим поводом, чтобы посвятить себя полусумасшедшему движению, удивляя окружающих своей энергией, и как бы стесняясь предыдущей своей задумчивости. Запомним это наблюдение Пуштина! Пушкин до конца своих дней останется в чём-то похожим на того мальчика, каким его увидел его первый лицейский друг.

Между тем, пришло уведомление о том, что оба мальчика приняты в лицей и это ещё больше укрепило отношения между ними. По лицейским правилам, находиться на учёбе надо было в мундире, мундиры надо было пошить. Мальчики ездили в императорские мастерские на примерки, они и их родственники из разных мест узнавали новости о своей будущей жизни. Немного неприятным сюрпризом для будущих лицеистов оказалось то, что они обязаны будут провести шесть лет своего обучения в стенах лицея неотрывно, без каникул в домашней обстановке. Об этом они, правда, узнали не сразу, но никому из них это известие энтузиазма не добавило, хотя и отступить назад никто из поступивших в лицей мальчиков не стал.

В конце сентября все будущие лицеисты разъехались по домам для того, чтобы окончательно собраться на учёбу, и попрощаться на шесть следующих лет с родными. Уехал домой с Василием Львовичем и младший Пушкин. Какие чувства он испытывал, расставаясь с семьёй и с Москвой – мы не знаем, поэт не оставил тому свидетельств. В его наследии мы можем найти только несколько ностальгических строк, посвящённых жизни в Захарово, но грядущая безотрывная жизнь в лицее таила в себе напряжённость и неопределённость и не ощущать этого он не мог. С какими чувствами прощались с ним родители – мы тоже не знаем – за период с января 1809 года по декабрь 1810 года Надежда Осиповна родила и похоронила двоих детей. Ко времени отъезда Александра на учёбу она снова была на сносях, готовясь родить очередного, седьмого по счёту своего ребёнка, и ей просто физически было тяжело хлопотать и проникаться проблемами сборов новоиспечённого лицеиста в столицу. Сергей Львович очень любил жену, сочувствовал ей, и его тоже, безусловно, больше волновало состояние супруги, чем грядущие дорожные проблемы физически крепкого мальчишки.

Открытие лицея царским указом назначалось на 19 октября 1811года. Понятно, что лицеисты должны были съехаться заранее для того, чтобы хорошо ознакомиться с обстановкой и для подготовки к торжеству, включавшей сюда и всевозможные тренировочные процедуры. Мальчики довольно быстро перезнакомились друг с другом. Трое из них были десятилетними, пятнадцатилетним – сын директора лицея и будущий друг Пушкина Иван Малиновский,

остальные лицеисты были двенадцати- и тринадцатилетними, то есть, не очень комфортная для некоторых учащихся разница в возрасте присутствовала, но не была критической.

Если говорить о светском положении юных лицеистов, то следует отметить, что самым худородным из них был именно Пушкин. Его появление в этой компании можно приписывать самым разным обстоятельствам, Мы уже говорили о том, что судьбой Пушкина в это время серьёзно занимался Александр Иванович Тургенев. Кроме того, что он занимал важный государственный пост, Александр Иванович ещё был очень влиятельным масоном, масоном был и Василий Львович, заслуги которого в масонской ложе были оценены наградами. Но если Василий Львович в ложе скорее всего, в основном сибаритствовал – очевидно, она для него была родом элитарного клуба, то Тургенев имел среди масонов положение иного рода, он был, что называется, деятель, и с ним считались.

Мы должны тут обратить внимание и на то, что Тургенев не только из

44

полуродственных симпатий помогал юному Пушкину – он был одним из тех, кто задолго до всех остальных угадал в Пушкине незаурядность. Впоследствии Александр Иванович всю жизнь как мог, поддерживал Пушкина и именно ему выпала печальная участь проводить своего гениального протеже в последний путь до могилы в Святогорском монастыре.

Как бы там ни было, но юный Пушкин в те дни уже находился среди своих товарищей, общее количество которых составляло тридцать человек. С ними ему теперь предстояло делить радости и печали на протяжении следующих шести лет.

На открытии лицея должны были присутствовать император с императрицей и члены императорской фамилии, и оно было организовано по всем правилам проведения таких мероприятий. Император, обе императрицы, великий князь Константин и великие княжны действительно явились на церемонию. При этом были сказаны необходимые к случаю дежурные речи, из которых все отметили речь профессора политических наук А.П. Куницына, который, как и все, говорил правильные вещи о воспитании юношества, но при этом ухитрился ни разу не вспомнить при этом имени действующего императора. Это с удивлением отметили все присутствующие, речь была признана едва ли не выдающейся, а сам Александр на следующий день наградил преподавателя орденом Владимира четвёртой степени.

После речей и остальных мероприятий торжественной части был банкет с участием лицеистов, на котором, как всегда в таких случаях, не обошлось без мелких и в чём-то милых смешных казусов. Праздник закончился, и начались лицейские будни.

Когда мы говорим об Императорском лицее пушкинских времён, мы не можем не чувствовать некоей сумбурности во всех направлениях жизни, так или иначе касавшихся лицея. Эта сумбурность было следствием некоей сумбурности и двойственности самой эпохи, так ярко отразившейся в самой личности императора, о чём мы пространно поговорили с Вами в предыдущей главе.

Если вернуться к списку лицейских предметов, то их европеизированный университетский вариант, первоначально предложенный Сперанским объективно был неподъёмен для десяти-двенадцатилетних мальчиков. Кроме того, министр образования граф А.К. Разумовский к концу 1810 года основательно разочаровался в масонстве, приверженцем которого чем дальше, тем больше становился Сперанский, официально ставший масоном тогда же, в 1810 году.

Разумовский интуицией опытного царедворца чувствовал опасность в чрезмерно вольнодумном воспитании незрелых молодых людей, волею судеб, через лицей, поставленных очень близко к особе императора. Неожиданные последствия юного вольнодумия, которых никогда нельзя полностью предупредить, могли стать болезненными для многих, и в том числе – для самого Разумовского. В итоге главный советчик Разумовского на тот момент времени, католический аббат де Местр, активнейший борец за утверждение католицизма в России, убедил

Разумовского в необходимости исключения из лицейской программы наиболее сомнительных предметов. Программа в конечном итоге приняла тот пресноватый, не очень гармоничный, но приемлемый вид, о котором мы уже говорили.

Подбор преподавателей, между тем, остался, утверждённый в основном Сперанским. По убеждениям они почти все, включая директора лицея В.Ф.Малиновского, принадлежали к масонско-мартинистскому направлению, избранному Сперанским в качестве основной идеи воспитания просвещённого юношества – заметим, может быть и не самой плохой, но едва ли – самой лучшей

45

для русского общества. Масоны-мартинисты вроде Малиновского или Куницына в основном являлись духовными последователями позитивных идей Новикова, пожалуй, самого известного русского масона конца восемнадцатого века. Они были не редкостью в тогдашней русской просвещённой среде, и ставили своей задачей благородное служение обществу, просвещение юношества, смягчение нравов, облегчение положения крестьян и тому подобные вещи. Умеренно-критическая линия вскрытия пороков общества, свойственная Новикову, линия, за которую он и пострадал, заметим, ни для кого не представляя реальной опасности – это не была линия условного Малиновского или Куницына. Всё обстоит проще: если вы утверждаете некий теоретический позитив, этим одним вы уже косвенно указываете на существующий вокруг вас негатив, и рискуете вызвать у думающего слушателя острые вопросы.

Это понимал и Разумовский. «Почему же в этом случае им не были назначены другие преподаватели?» – спросите Вы, и будете правы. «Потому, что других преподавателей практически нигде было взять!» – ответу Вам я. Узок, весьма узок был в ту пору круг образованных русских людей, и выбор их для нужных министерству просвещения целей также был очень ограничен.

подавляющее большинство преподавателей были русскими по происхождению, что само по себе делало лицей исключительным для того времени учебным заведением. Иностранцами были только Гауершильд, преподаватель немецкого языка и литературы, и де Будри, преподаватель французского языка и литературы. Кроме преподавателей русского языка и латыни Кошанского, и сменившего его на этом посту Галича, почти все остальные преподаватели прошли основательную подготовку в европейских учебных заведениях, и по подавляющему преимуществу были слушателями знаменитого Геттингенского университета.

Возможное избыточное вольнодумие профессоров ограничивалось простотой преподаваемых ими предметов, а вольность поведения самих воспитанников ограничивалась подбором надзирателей – тут уж никаких масонов и мартинистов не было, хотя права лицейстов до определённой степени были защищены изначальным запретом телесных наказаний.

Распорядок обычного дня от начала занятий в лицее вплоть до его завершения почти не менялся и был следующим. Утренний подъём происходил в шесть часов. День начинался с молитвы и сборов, с семи до девяти часов были уроки, с девяти до десяти – завтрак и прогулка, с десяти до двенадцати – снова уроки, потом до часу дня – прогулка и до двух часов дня – обед. С двух часов дня до трёх был урок чистописания или рисования, с трёх до пяти – опять уроки, после уроков до шести часов – полдник и прогулка. С шести часов до половины девятого вечера лицеисты должны были заниматься домашними заданиями, а по средам и субботам в это же время они занимались фехтованием и танцами, позже к этим упражнениям добавились конная езда и при возможности – плавание. В половине девятого был ужин, с девяти до десяти время посвящалось процедуре подготовки ко сну и вечерней молитве. В субботу также обязательной была банная процедура. Воскресный день не был жёстко регламентирован, и хотя лицеисты и в воскресенье не были полностью предоставлены сами себе, их не лишали возможности доступных развлечений.

Из распорядка дня видно, что в нём немалое место занимали прогулки, при чём, гулять воспитанники были обязаны в любую погоду. Интересно, что прогулкам в воспитательной программе придавалось такое же значение, как и преподаваемым предметам – считалось, что царскосельская атмосфера должна крайне позитивно повлиять на формирование духа и мировоззрения лицеиста.

46

Жёстких ограничений во время прогулок не было, но надзиратели, или «дядьки», как их называли между собой лицеисты, обязаны были пресекать и по возможности пресекали неумённое баловство и задорные игры, закономерно возникавшие в подростковой среде.

Под проживание лицеистам был выделен целый этаж четырёхэтажного лицейского здания. У каждого лицеиста была отдельная комната, или «келья», как её сразу стал называть Пушкин. Комната лицеиста представляла из себя вытянутое помещение, в котором находились кровать, зеркало, стоячая конторка для письма, небольшой комод и умывальник – всё необходимое и ничего лишнего. У Пушкина волею случая был четырнадцатый номер, у Пущина – тринадцатый. Стены комнат были тонки, и через них можно было негромко переговариваться между собой.

Подростки – везде подростки, и в лицее между ними происходило всё то же, что происходит в любом подростковом коллективе: неизменно выстраивается какая-то иерархия отношений, появляются свои лидеры и аутсайдеры, а коллектив из тридцати человек непременно разбивается на какие-то подгруппы по склонностям и интересам. Так случилось и у лицейских воспитанников, при этом нас, конечно, больше всего интересует их отношение к Пушкину.

При начале общения с незнакомыми людьми в том случае, если нам в будущем предстоит период длительного общего времяпровождения, мы раньше или позже обязательно проявим какие-то свои слабости, и обязательно постараемся выложить некие козыри, которые должны будут позволить нам если не главенствовать в новом собрании, то хотя бы занимать в нём относительно независимое положение.

Что позволяет сразу же занять достойное положение в мальчишеском коллективе? Безусловно, физическая сила и ловкость. Пушкин здесь не был полным слабаком, но и в героях ходить у него не получалось, и если в силу характера сдаваться в трудных положениях он не любил и боролся едва ли не до последнего, то чудеса ловкости в возбуждённом состоянии не обнаруживал, чем мог вызвать дополнительный смех товарищей. По части учёбы практически с самого начала стало ясно, что выдающихся успехов по всем направлениям он не покажет – мы на этом ещё остановимся. Ровности характера и приятного, обращённого ко всем дружелюбия в нём не было, даже наоборот, в минуту нередкого раздражения он мог наговорить чего-нибудь такого, о чём сам потом жалел, но по поводу чего почти никогда предпочитал не извиняться. Ум свой в плане интереса и понимания глубоких отвлечённых вопросов он старался другим не показывать – это при первом знакомстве едва ли не сразу отметил Пущин, и мы уже об этом говорили. Эти оба свойства, по крайней мере, в отношениях с большинством просто знакомых ему людей, он тоже сохранит до конца своей жизни.

Если уж мы снова вспомнили о Пущине, то скажем и о том, что в его воспоминаниях о лицейских годах Пушкина лучше всего, короче всего и милостивее всего говорится о характере нашего великого поэта в то время (а основные черты характера в человеке, заметим, имеют свойство сохраняться годами и десятилетиями). Думаю, будет лучше всего, если мы тут прямо процитируем самого Пущина: «Пушкин, с самого начала, был раздражительнее многих и потому не возбуждал общей симпатии: это удел эксцентрического существа среди людей. Не то чтобы он разыгрывал какую-нибудь роль между нами или поражал какими-нибудь особенными странностями, как это было в иных; но иногда неуместными шутками, неловкими колкостями сам ставил себя в затруднительное положение, не умея потом из него выйти. Это вело его к новым

промахам, которые никогда не ускальзывают в школьных сношениях. Я, как сосед (с другой стороны его номера была глухая стена), часто, когда все уже засыпали, толковал с ним вполголоса через перегородку о каком-нибудь вздорном случае того дня; тут я видел ясно, что он по щекотливости всякому вздору приписывал какую-то важность, и это его волновало. Вместе мы, как умели, сглаживали некоторые шероховатости, хотя не всегда это удавалось. В нем была смесь излишней смелости с застенчивостью, и то и другое не попадало, что тем самым ему вредило. Бывало, вместе промахнемся, сам вывернешься, а он никак не сумеет этого уладить. Главное, ему не доставало того, что называется *тактом*, это – капитал, необходимый в товарищеском быту, где мудрено, почти невозможно, при совершенно бесцеремонном обращении, уберечься от некоторых неприятных столкновений вседневной жизни. Все это вместе было причиной, что вообще не вдруг отозвались ему на его привязанность к лицейскому кружку, которая с первой поры зародилась в нем, не проявляясь, впрочем, свойственной ей иногда пошлостью. Чтоб полюбить его настоящим образом, нужно было взглянуть на него с тем полным благорасположением, которое знает и видит все неровности характера и другие недостатки, мирится с ними и кончает тем, что полюбит даже и их в друге-товарище. Между нами как-то это скоро и незаметно устроилось».

Так на что же мог опереться Пушкин после знакомства со своими новыми товарищами, которое очевидным образом не во всем пошло в его пользу?

С самого начала всем бросилось в глаза его блестящее владение французским языком, в этом качестве никто из соучеников не мог с ним сравниться. Да, французский знали практически все, но вот уровень!.. Пушкин в свободе владения как письменной, так и устной французской речью превосходил всех минимум на полголовы, и за это почти сразу получил не лишённую уважительности кличку «француз».

Вторая точка его опоры в коллективе сверстников состояла в чрезмерной, может быть, просвещённости в сфере интимных отношений. Мы все помним своё детство и юность, помним разговоры на сексуальную тему в мальчишеских собраниях, и помним, как сконфуженно чувствовали себя недостаточно осведомлённые в подробностях интимных отношений ребята перед своими более погружёнными в тему товарищами. В вопросах человеческого интима Пушкин был не просто хорошо осведомлён для мальчика своего возраста – он был фантастически хорошо осведомлён, с некоторым сожалением можно даже сказать, что он был слишком хорошо осведомлён в этих вопросах.

Тема секса интересует всех здоровых людей, но в высшей степени обострённый интерес к ней с раннего возраста проявляют далеко не все, а если это происходит, то дело упирается в природный темперамент, темпы полового созревания и нюансы воспитания. В истории Пушкина в этом плане кремль, огниво и солома (а если угодно – порох) сошлись в удобное для них время в удобном для них месте.

Источником пушкинского знания в области человеческого секса в первую очередь явилась библиотека отца, в которой можно было найти, и в которой по этой причине было успешно найдено практически всё возможное на эту тему. Имея обострённое внимание к сексуальной теме, юный Пушкин многое сумел уловить в домашних разговорах взрослых в Москве и ещё больше – в разговорах дворовых девок и парней в захаровском имении.

Эта осведомлённость не вполне хороша для формирующейся человеческой личности – нереализуемый сексуальный посыл создаёт избыточное давление на ум и психику. Она закономерно провоцирует душевную и умственную неуравновешенность, ну, и эта же осведомлённость создаёт почву для цинизма,

который и так легко возникает в юношеских незрелых душах – вы, взрослые, мол, говорите тут нам всякие возвышенные вещи, а на самом деле мы уже очень хорошо знаем, что у вас по-настоящему на уме, и чем вы, к примеру, в темноте, занимаетесь.

К сожалению, оба этих печальных воздействия преждевременного знания отобразились на личности незрелого Пушкина весьма выпукло. Но мы пока обратим внимание читателя на то, как это повлияло на положение Пушкина в лицейском сообществе.

Новых пушкинских товарищей удивила его общая начитанность, они все отнеслись к ней с уважением, а вот, так сказать, избыточная и, безусловно, цинично подаваемая половая грамотность морально чистоплотных ребят от него в некоторой степени отвратила, других, продвинутых в прочих отраслях заставила утверждать своё преимущество перед Пушкиным по иным направлениям, ну, а третьи так или иначе видели в нём источник интересной для себя информации, и потому были доброжелательно настроены по отношению к неугомонному познавателю интимных сторон любви – пока что теоретическому. Обратим внимание читателя на тот факт, что приязнь и дружба строятся не только на уровне познания конкретным человеком основ секса, и друзьями Пушкина совсем не обязательно становились те, кто хотел видеть в нём живую книгу по сексологии.

Ну, и была у него ещё одна мощная точка опоры для утверждения своего положения в лицейском товариществе, точка, для всех нас понятная, логичная и от того ни для кого не удивительная – стихи. Пушкин сразу всем показал, что он умеет писать стихи. Среди лицеистов он не был единственным поэтом, с самых начальных дней в качестве стихотворца там первенствовал Илличевский, но ему очень быстро пришлось согласиться с тем, что Пушкин и в понимании основ творчества, и в самом стихосложении очень серьёзно опережает его. Задумчивый добряк Дельвиг, тоже серьёзно относившийся к стихосложению, сразу и навсегда признал над собой неоспоримое первенство Пушкина, и с радостью следовал за ним, а нескладный Кюхельбекер, преданно служивший лире не вполне гармоничными стихами, может быть и рад был бы пооппонировать Пушкину, но природная живость последнего и природная подторможенность первого не позволяли возникнуть серьёзным конфликтам. Поэтому на линии Пушкин-Кюхельбекер всё обычно заканчивалось весёлыми и не злыми шутками.

Пушкин быстро понял и, может быть, интуитивно оценил силу влияния своих стихов на товарищей – слово иногда разило не хуже кулака. Помните, как не раз бывало в детских драках во дворе, когда кто-то сильный предпочитал не трогать в спорной ситуации успешно побитого им раньше гораздо более слабого, но неумеренно языкатого противника просто из-за того, чтобы не слушать в очередной раз набор неприятных проклятий, которых простыми побоями остановить невозможно. И в самом деле – противник побит, потом за свой язык ещё раз побит, а насмешки не прекращаются! Что делать в следующий раз? Естественно, при возможности не трогать – лучше не трогать. Пушкин в этой психологической ситуации бывал не раз в роли более слабого противника, но он владел стихом, и ещё – искусством экспромта, унаследованным им от отца, он был находчив в слове – находчив не в устном, мгновенном слове, а в слове отсроченном, письменном, но в любом случае находчивы далеко не все и находчивость – далеко не самое худшее оружие во многих случаях человеческой жизни!

Что же получалось у противников Пушкина, вроде бы победивших его? Получалось, что они рисковали услышать в свой адрес не просто оскорбительные

49

слова, а стишки, а то и эпиграмму, вызывающую смех и косвенное одобрение товарищей. Стишки имеют свойство не сразу исчезать в пространстве, а немного задерживаться в нём, и это в случае их остроты, обращённой на тебя, может оказаться для тебя неприятным вдвойне и втройне. В конечном итоге стишки Пушкина оказались неким подобием рапиры, которую он постоянно носил с собой и о существовании которой были обязаны помнить все более или менее знавшие его люди.

Мы уже говорили с Вами о том, что лицеисты постепенно закономерным образом делились на симпатизирующие друг другу компании. Кто же входил в компанию основных лицейских приятелей, и более того – верных друзей Пушкина? Перечислим их: Малиновский, сын директора лицея, будущий гвардейский полковник, Дельвиг, будущий литератор, Пушкин, будущий декабрист, Вольховский, первый лицейский ученик, генерал-майор, честный и мужественный человек, Матюшкин, будущий адмирал, Яковлев, будущий певец, композитор и государственный сановник, и Данзас, полковник, секундант последней пушкинской дуэли.

Как с первых дней лицея учился Пушкин? Так же, как учился он и в Москве, в смысле склонности в познанию предметов, почти точно так же он учился и в лицее. Математический ряд предметов не вызывал у него практически никакого интереса и формальные оценки его математических трудов были соответственными. В немецком языке и в латыни успехов он также не показывал. Уважаемый им учитель Куницын, преподававший лицеистам на начальном этапе логику отметил, что Пушкин замысловат и остроумен, но по части логики не преуспевает, в чём сознавался и сам Пушкин. «Признаюсь, что логики я, право, не понимаю» – так оценивал поэт своё знание этого предмета.

А вот во французском языке и словесности он был на высоте – как в оценках учителя, так и в действительном знании предмета. То же самое можно сказать и о русском языке и словесности. Его умение писать стихи обнаружилось почти сразу же, и учитель русского языка и словесности Кошанский поначалу думал мягко окоротить в Пушкине стремление к стихотворчеству, но когда он увидел действительный талант своего ученика, то перестал препятствовать ему и мягко поощрял его к дальнейшему успеху. Известен случай, когда Кошанский дал задание лицеистам написать стихотворение на заданную тему, и удивлённый мастерским исполнением урока Пушкиным забрал его стихотворение себе на память. К сожалению, Кошанский не очень долго преподавал в лицее, но все преподаватели, по очереди сменившие его на кафедре русской словесности, признавали отличное знание Пушкиным родного языка и литературы.

Особых угрызений совести по поводу своих недостаточных успехов по некоторым предметам Пушкин никогда не демонстрировал – скорее всего, он и не испытывал их – тут он был не оригинален, по части какого-нибудь предмета мы все в детстве бывали таковы, а вот где он всегда болезненно реагировал на поражение – так это на неудачи в спортивных состязаниях и в играх – и это тоже легко поймёт каждый из нас, не забывший собственное детство.

Глава пятая.

Войны дыхание роковое

Войны суровое чело...

Заканчивался первый учебный лицейский год. Лето по учебному плану не было временем абсолютного отдыха, но нагрузка на занятиях в летние месяцы должна была неминуемо снизиться. Прошедшие месяцы совместной учёбы и отдыха

50

сплотили лицеистов, они приспособились к учебному ритму, адаптировались в непривычным для себя обстоятельствам, некоторые из которых изменились в пользу учеников – от них, к примеру, перестали требовать всё время носить неудобные мундиры, заменив их более функциональной одеждой, постепенно облегчились и некоторые формальные требования в процессе занятий.

Царское Село на летний период переполнялось отдыхающей знатью, император и придворная верхушка проводили здесь большую часть времени в самых разнообразных развлечениях, и лицеисты, зная об этом, готовились получить свою, пусть и небольшую порцию удовольствий.

Все мечты разрушились в один момент, 12 июня 1812 года, когда в Санкт-Петербурге стало известно о том, что шестисоттысячная армия Наполеона переправилась через Неман и вторглась в Россию.

Все слои российского общества были потрясены этим известием, был потрясён и император – безусловно, по своим каналам он получал информацию о возможности начала войны, но до последней минуты надеялся на мирный исход событий. Твёрдый шаг Наполеона разрушил эти надежды.

О начале вторжения Наполеона Александр узнал на балу у Беннигсена под Вильно. Император сразу же оттуда выехал в ставку армейского командования в Свенцяны и отправил генерала Балашова на переговоры о мире с Бонапартом. Наполеону нужна была континентальная блокада Англии с жёстким участием в ней России, а Россия по экономическим причинам в этой блокаде участвовать не могла. Таким образом, мирное решение вопроса было невозможным, и Балашов возвратился к Александру ни с чем.

Александр поначалу решил находиться при основном лагере русских войск, вынужденных отступать под давлением наполеоновской армии. Реально армией командовал Барклай де Толли, но Александр не объявлял его главнокомандующим и получается, что тем самым принимал командование на себя. Это сковывало действия военачальников и повторяло ошибку царя, сделанную им во время войны 1805 года, закончившуюся поражением при Аустерлице. Оно же было и одной из причин неудачных боевых действий начального периода войны, хотя у этих военных неудач были ещё как минимум две другие важнейшие причины.

Одна причина, всем очевидная и многократно описанная – относительная малочисленность русской армии, вторая причина – наша извечная неготовность к любому крупному катастрофическому событию, о котором, впрочем, заранее известно, что оно вполне может произойти. Разве в армии не знают, что когда-то должна случиться война и к ней надо постоянно готовиться? Разве в обществе не знают о том же, и не знают о том, что для войны надо готовить

армию? Разве мы не знаем, как под разговоры о правильно ведущейся подготовке к войне мы на самом деле встретили первую и вторую мировые войны? Разве мы не видим в какой степени мы оказались готовы к ведению войны на Украине, которая идёт вовсю в то время, когда пишется эта книга? Хорошо ещё, что война на Украине пока что ведётся на чужой территории, и мы в полной мере не видим последствий военного и гражданского разгильдяйства, а также – материальных злоупотреблений, творимых в мирное предвоенное время, и постоянно приводящих нас к поражениям на первых этапах многих наших войн.

Эти же самые предвоенные разгильдяйство и злоупотребления тяжким бременем легли на боевые действия нашей армии, которые она вела в июне и в первой половине июля 1812 года. На счастье армейского командования, Аракчеев и Балашов сумели уговорить Александра покинуть военный лагерь и доверить

51

судьбу армии её командирам.

13 июня 1812 года император в тяжелейшем расположении духа выехал из армейской ставки в Москву. Он не мог не думать о судьбе вверенной ему страны, большая часть населения которой экономически находилась в крайне угнетённом состоянии, и легко могла взбунтоваться в надежде на то, что нашествие иноземного неприятеля позволит ему освободиться от крепостной зависимости. Имена Разина и Пугачёва не могли не вспоминаться Александру в эти тяжелейшие для него минуты.

Но всего лишь через двое суток в его сознании всё кардинально переменялось. Александр приехал в Москву и там был встречен ликующей русской толпой. На всём пути его с выдающимся воодушевлением приветствовали представители всех сословий русского общества. Александр увидел свой народ в годину испытаний таким, каким он его никогда не видел и таким, о каком он и не смел мечтать. Царь не просто ощутил себя лидером всенародного сопротивления чужеземному нашествию – он ощутил мистическую, Божественную сущность этого сопротивления. Христианский православный народ перед своим правителем совершал могучее духовное действие, и Александр ощутил это действие, и с благодарностью воспринял его.

Великие московские минуты преобразовали сознание императора Александра, он почувствовал себя орудием Божьего Промысла и в возвышенном состоянии духа уехал из Москвы в Санкт-Петербург.

Не будем здесь пересказывать известные вещи о спасении Барклаем де Толли русской армии путём её отступления вглубь России и о назначении Кутузова на должность главнокомандующего. Заметим только, что император не любил Кутузова за лукавство, и за его участие в заговоре против Павла Первого, но, уступая общественному мнению, пост Кутузову доверил, а вот несколько слов о других малоизвестных, но важных вещах мы тут обязаны сказать.

Кутузов дал Наполеону битву при Бородино, которой от него, от русского главнокомандующего ожидали. Битву при Бородино французы до сих пор считают своей победой потому, что поле битвы осталось за ними, мы считаем эту битву выигранной нами, учитывая примерное равенство потерь и общий победный для нас исход войны. Не будем спорить ни с теми, ни с другими. Очевидно другое: на военном совете в Филях, посвящённом возможной сдаче Москвы неприятелю важнейшим аргументом был аргумент о том, что армия сильно пострадала во время битвы при Бородино, и может не выдержать натиска французов, и что в этом случае сдача Москвы – не есть гибель армии, а значит, дальнейшее сопротивление имеет шансы на успех. Мнения участников совета разделились поровну и решающим оказался голос Кутузова – это известно всем.

Не всем известно то, что московский губернатор Ростопчин, человек выдающейся энергии и такой же выдающийся патриот Отечества и своего города на замечательном уровне под-

готовил Москву к обороне от неприятеля, и был готов открыть арсеналы для раздачи оружия жителям города, из немалой части которых, кстати, было сформировано и подготовлено военное ополчение, в высшей степени мотивированное к защите родного города.

Скажите, любезный читатель, с каким бы успехом наполеоновская армия воевала на улицах трёхсоттысячного по уровню населения города, занимавшего огромную (учитывая усадебную застройку) площадь, изобилующую каменными, в том числе, и крепостными строениями? Если французы в чистом поле с трудом провели тяжелейшую битву с примерно равной ей по численности русской армией, то как бы они тогда сражались с той же армией, но находящейся под защитой укреплений родного и дорогого ей города и при поддержке

52

вооружившегося населения? Вероятнее всего, французы не смогли бы взять Москву даже в случае обороны её изрядно потрёпанной под Бородино русской армией, не говоря уже о случае защиты первопрестольной полнокровными русскими полками.

Как же выглядит в этом случае Кутузов? Зачем был дан тогда Бородинский бой? В надежде разнести Наполеона и погнать его от Бородина с русской земли? Идея выглядит авантюрной, а Кутузова можно считать кем угодно, но не авантюристом. Но если он знал, что Наполеона разгромить нельзя, но пытался разбить и не разбил, значит, он – не очень хороший полководец, который не просчитывает своих действий, и хвалить его не за что, и почитать его не стоит. Глупый Кутузов? Это не интересно. А вот если он просчитал, что какая-то армия от Бородинского боя у него останется, что ему, может быть и придётся тогда сдать Москву, в которой Наполеон завязнет, и по этой причине с победой из Москвы уже не выберется, и тогда Кутузов из России его выдавит – вот это интересно! Мы ведь под влиянием нашего школьного образования такой план и ставим в заслугу стратегическому гению Кутузова. Но если этот план изначально существовал в кутузовской голове, то давайте задумаемся: в чьих интересах он был задуман и реализован?

Действительно, вдруг Наполеона разгромят в России? Кому честь, лавры и самое главное, политические и экономические плоды? Кому усиление? Это всем понравится в Европе, которая и была тогдашним мировым средоточием?

А вот если предположить, что можно реализовать некий иной план, при котором Наполеон будет в России побеждён, но не разбит, если ему можно будет при этом дать уйти куда-то в Европу, понимая при этом, что он уже не будет силён, как прежде, и его там, в Европе можно будет прикончить, то победителями и конечными бенефициарами победы над ним тогда будут те, кто его там прикончит, а не тот, кто вдруг окончательно разгромит его в России.

Теперь, если мы с Вами вдруг узнаем, что Кутузов был масоном высокой степени, мы поймём, что на своём посту главнокомандующего русской армией он, кроме всего прочего, выполнял задачу выдавливания ослабленного Наполеона из пределов России для дальнейшего его уничтожения в Европе. Эта задача выполнялась Кутузовым без попытки сохранения национальных святынь, уничтоженных французами в Москве – коли случилось так, значит, святыни эти для фельдмаршала не были предметом для героической их защиты. Эти задачи выполнялись с презрением к мнению москвичей и их градоначальника – мужественный Ростопчин не был даже своевременно предупреждён Кутузовым об оставлении города армией, и не смог организовать правильную эвакуацию жителей города, и не смог, как это странно ни звучит, правильно поджечь его. Задачи Кутузова выполнялись им без малейшего практического почтения к жизням нескольких тысяч раненых при Бородино, своих же боевых товарищей, оставленных в Москве, и погибших в ней от пожаров, болезней и недосмотра.

Когда Кутузов оставил французам Москву, Александр не удержался и написал ему письмо с упреком в сдаче города, на что Кутузов ответил ему вроде бы и очень вежливо, но приблизительно в таком духе: Россия, мол, богата, добра потом себе ещё накопит, а на данном

этапе самое важное дело сделано. Александр, к его чести, не стал препираться с военачальником.

Масон Кутузов блестяще выполнил задание своих тайных хозяев. Об этом было известно и многим в России. Не зря ведь до советских лет в Москве не было ни одного памятного кутузовского места, ни одной доски, посвящённой Кутузову, ни одного переулка имени Кутузова – город помнил дела своего хитроумного защитника. Посмотрите на памятник Кутузову в Петербурге перед Казанским

53

собором – он весь наполнен масонскими символами, начиная с тоги, в которую обряжен герой, кончая мизинцем, отставленным по масонскому обычаю в сторону. Скульптор Орловский знал, что делал! А как похоронен Кутузов – сердце в одном месте, а тело – в другом! Даже погребальный обычай был соблюден в его отношении по чужому обряду.

Император Александр в Петербурге с тех пор очень много времени проводил в молитве. В этом ему регулярно соучаствовал князь Александр Николаевич Голицын, человек, выросший при дворе, живой, чувствительный, холостой, в тридцатилетнем возрасте в 1803 году назначенный самим же Александром обер-прокурором Святейшего Синода.

Голицын, известный до этого назначения своим эпикурейством и вольтерьянством, отказывался от должности, мотивируя отказ неверием в Бога, но Александр убедил его, и в течение нескольких последующих лет этот человек постепенно превратился в сентиментального мистика, очень любящего поговорить о богословии и очень тяготеющего ко всяким таинственным проявлениям духовной жизни, сопровождающимся всякими чудесами. Голицын в то время, о котором мы говорим, безусловно веровал в Бога, но верование его было верованием в Творца вообще, его почтение к христианству было почтением к христианству вообще, то есть, к самым разным его направлениям, хотя предпочтение, может быть и по долгу службы, он безусловно отдавал православию.

Голицын всячески поддерживал огонь веры, разгоревшийся в сердце государя, и, как мы уже сказали, часто молился вместе с ним о судьбе России. В этих молитвах также постоянно участвовал ещё один человек – Родион Александрович Кошелев, знатный сановник, масон, с 1809 года – вдовец, к тому же ещё, давно потерявший и двоих малолетних детей. Кошелев был мистиком, его увлекала тайная связь человека с творцом, он об этом много знал и именно он сыграл важнейшую роль в развитии мистического восприятия жизни Голицыным и Александром Первым.

О Голицыне и Александре Первом мы с Вами ещё будем много говорить, а пока скажем вот что: Россия вела тяжелейшую войну, но на её счастье, во главе страны находился верующий в Бога и постоянно молящийся человек.

Всего этого, конечно, не могли знать царскосельские лицеисты, всей душой, по-юношески переживавшие за судьбу Отечества. Мальчики участвовали в проходах гвардии на войну, все гвардейские полки прошли мимо лицей, в гвардии у многих из них служили ближайшие родственники, друзья и знакомые, многим из которых не суждено было вернуться назад. Таким образом, война для немалого числа лицеистов стала частью личной жизни.

Учёба в лицее продолжалась во всё время военных действий, но теперь все лицейские дни заполнялись ожиданием новостей с фронта. Чтение газет и живейшее обсуждение последних событий в присутствии профессоров, тут же объяснявших мальчикам непонятные пока им политические и военные тонкости, заполняли большую часть досуга лицеистов. Во всём этом активно участвовал и юный Пушкин.

Глава шестая.

Души и духа взлёт победный

И – взлёта первые плоды...

Вскоре после сдачи Москвы дело повернулось к военному успеху, на общеизвестных деталях которого мы здесь останавливаться с Вами тоже не

54

будем. 6 октября 1812 года Наполеон покинул Москву и под давлением русской армии, теряя сотни и тысячи людей, был вынужден отступать без сражений по разорённой им Старой Смоленской дороге. По иронии военной судьбы русская армия не нуждалась в сражениях, побеждая без них. Выдающийся немецкий военный теоретик Клаузевиц, наблюдая за всем этим написал: «Русские редко опережали французов, хотя и имели для этого много удобных случаев, когда же им и удавалось опередить противника, они всякий раз его выпускали, во всех боях французы оставались победителями, русские дали им возможность осуществить невозможное, но если мы подведём итог, то окажется, что французская армия перестала существовать, а вся кампания завершилась полным успехом русских, за исключением того, что им не удалось взять в плен Наполеона и его ближайших сотрудников. Неужели же в этом не было ни малейшей заслуги русской армии? Такое суждение было бы крайне несправедливо».

Спишем пассаж немецкого военного деятеля о том, что французы всегда побеждали в конкретных боях на банальную зависть, но общий смысл замечания всё равно для нас останется интересен, и самым важным здесь является указание на то, что ко времени изгнания из России в середине декабря 1812 года армия Наполеона практически перестала существовать.

Естественно, настроение императора и его ближайшего окружения в это время переменилось. Александр понял, что он и его страна одерживают победу и в даровании этой победы император увидел очередное проявление влияния Бога на дела человеческие. В своём манифесте, выпущенном по случаю изгнания Наполеона из России, царь так и написал: «Зрелище погибели войск его невероятно! Кто мог сие сделать? Да познаем в великом деле сём промысел Божий».

Увидел это и ставший в это время очень важным для императора человеком Голицын, у которого в те дни зародилась идея создания Русского Библейского общества. Библейское общество по мысли Голицына должно было заняться переводом книг Священного Писания на современный русский язык, а также на другие языки Российской империи, и организовать массовое печатание этих книг с дальнейшим распространением их, а также других душеполезных произведений среди народа. Цель была понятна – духовное просвещение русского народа. Почётным членом общества сразу же приглашался быть Государь. Момент для создания Библейского общества, по мнению князя, был выбран самый удачный – взлёт народного сознания на фоне выдающейся военной победы, одержанной с Божьей помощью.

Александр, находясь в это время при войске за границей, тут же ответил Голицыну согласием, выделил обществу 25 тысяч рублей единовременно, и положил далее выделять на нужды общества по 10 тысяч рублей ежегодной пенсии. Работа закипела. При множестве скользких высказываний о Голицыне нет никаких указаний на то, что этот человек тратил государственные и иные деньги, находившиеся в распоряжении Библейского общества на какие-то личные

цели. Голицын постарался привлечь к делу перевода библейских текстов на русский язык все лучшие наличные силы и это ему удалось.

Что же привело Голицына к мысли о необходимости организации Библейского общества во дни всеобщего подъёма? Такие мысли, кажется, должны были бы скорее появиться в период поражений!

Ну, во-первых, дни поражений и жестоких переживаний по поводу судьбы страны на тот момент далеко не стёрлись в памяти князя, а во-вторых, он как обер-прокурор Святейшего Синода, очень хорошо знал о действительном положении христианской веры в русском народе. Ему прекрасно было известно о

55

безграмотности и непросвещённости основной крестьянской массы, о крайне низком уровне подготовки множества священников, о том, что очень многие из них почти не проповедуют во время служб в церкви, и их неграмотные прихожане, по неграмотности, не зная ни родного, ни церковнославянского языка, итак не понимают содержания службы, а ещё из-за отсутствия постоянной проповеди, почти лишены возможности понять что-либо правильно в христианском вероучении вообще. Голицын знал, что и люди свободные, городские, не закрепощённые, также малограмотны, и не имеют возможности к самостоятельному христианскому просвещению, единственным средством к которому часто является книга. Голицын пламенно захотел вручить русскому человеку эту книгу в руки.

Лучше всего о целях нового учреждения сказал выдающийся русский церковный историк А.И. Чистович: «Стремления князя Голицына наклонялись к тому, чтобы вывести русский народ из того усыпления и равнодушия в деле веры, какое казалось ему почти повсюдным, пробудить в нем высшие духовные инстинкты и чрез распространение священных книг ввести в него живую струю внутреннего переживания христианства».

В 1813, 1814 и 1815 годах император очень много времени провёл вне России в разъездах по Европе. Там вплоть до марта 1814 года длилась европейская война с Наполеоном, в делах которой царь принимал живейшее участие. Российский император возглавил антифранцузскую коалицию, состоявшую из России, Австрии, Пруссии, Швеции и нескольких мелких немецких государств. Россия выставила на эту войну самый многочисленный корпус, который в итоге понёс самые большие человеческие потери, и которому по праву принадлежала честь наибольшего вклада в победу над Наполеоном, но Александр из дипломатических соображений не добивался назначения русских генералов на роль командующих, и смешанными русско-прускими и русско-австрийскими войсками командовали прусский и австрийский военачальники.

Не знаю почему русский император распределял силы именно таким образом, но очевидно, что он предвидел послевоенный передел Европы, и именно в таких ходах предполагал наибольший эффект для своих будущих требований. Александр пытался участвовать в планировании крупнейших военных операций – как именно ему это удавалось, история умалчивает, но коалиция одержала несколько крупных побед. Наконец, в марте 1814 года она вышла к Парижу и с боем взяла его. 31 марта 1814 года в качестве триумфатора Александр Первый во главе союзных войск въехал во французскую столицу. На вершинах тогдашнего цивилизованного мира его увенчали лаврами победителя Наполеона и долгое время на эти лавры никто из европейцев в открытую не покушался.

Всем известна истина о том, что нет пророка в своём отечестве. Оказалась она верна и в этом случае. Если на страницах официальных русских газет слава побед над Наполеоном в Европе приписывалась императору, что косвенно предполагало и его основную роль в победе над Наполеоном в России, то неофициальные русские гостиные в домах образованных русских людей повсюду кипели страстями по поводу роли отдельных личностей в победе над Наполеоном. Кто-то при этом хвалил Барклая де Толли, кто-то – Багратиона, но большинство сходи-

лось на полководческом даровании Кутузова, и почти никто не почитал Александра спасителем Отечества – наоборот, роль императора в войне часто сводилась в таких разговорах к осуждению его внешне пассивной позиции, иногда – к юмористическим и насмешливым взглядам на его поведение в сложный период жизни страны, а самые горячие головы негромко вообще могли

56

обвинить и обвиняли императора и в трусости.

Лицейская жизнь к концу зимы 1813 года давно вошла в обычную колею. Военные новости из Европы конечно ещё продолжали всех волновать, но теперь это были новости из чужих стран, в которых доблестно сражаются и время от времени гибнут отважные сыны отечества – в сравнении с совсем недавним временем это была совершенно другая ситуация.

Бытовая основа является определяющей для любого общества и общество русское в условиях реального мира на своей территории вернулось к понятиям мирного времени, а полузакрытое заведение, каким был лицей в большей степени, чем многие остальные человеческие собрания, вообще в основном жил и развивался по своим внутренним законам. Лицейсты учились, ссорились, мирились, спорили с преподавателями, боролись, и нередко успешно, с произволом некоторых надзирателей, потихонечку взрослели и совершенствовались, каждый – в данном ему Богом направлении. Потихонечку вырослел и Пушкин.

Он много сочинял и много писал. Сочинять и писать – ведь это разные вещи, сочиняют иногда на ходу, просто так, иногда для того, чтобы специально это не записывать в силу цензурных или этических соображений, а вот пишут, всегда доверяя сочинённое бумаге в расчёте на дальнейшую доработку, или сохранение. Сочинение таким образом – часто игра, писание – очень часто труд, но и то другое при систематическом подходе ведёт человека к совершенству. Пушкин играя ли, трудясь ли, непрестанно совершенствовался в избранном им направлении. Его стихотворное мастерство росло, и мы со времени, о котором говорим с Вами сейчас, можем оценивать это мастерство, поскольку некоторые пушкинские работы тех дней сохранились и дошли до нас.

Первая из дошедших до нас его коротких «пиес» – послание в альбом князю Горчакову. Оно написано на французском языке, и звучит красиво и элегантно – больше ничего и не скажешь, а вот его стихотворение «К Наталье» заслуживает отдельного разговора. Оно обращено к крепостной актрисе графа В.В.Толстого, увиденной Пушкиным на спектаклях графского театра в Царском Селе, которые лицеистам было дозволено посещать. Понятно, что между автором стихотворения и адресатом послания не могло быть ничего общего, что между ними было невозможно даже обычное знакомство, и стихотворение написано для чтения в приятельском, а при возможности – в более широком кругу. Ровесникам Пушкина в эту пору уже было по четырнадцать-пятнадцать лет, и те из них, кто ещё недавно не имел интереса к противоположному полу, начали, как минимум, обращать внимание на очаровательных девушек и женщин. Это безусловно расширяло потенциальный круг интересантов и почитателей эротически озабоченного юного поэта.

В стихотворении «К Наталье» уже есть яркие предвестники той пушкинской стихотворной лёгкости, которой он вскоре очарует всех своих читателей. При этом стихотворение предназначено для глубоко образованного читателя, поскольку содержит множество отсылок к известным литературным и драматургическим произведениям того времени. Стихотворение переполнено юношеским эротизмом, и в определённой степени выглядит беспардонным по отношению к конкретной молодой девушке или женщине, с которой поэт, с одной стороны, разговаривает, как с равной, с другой стороны, от дворянки, при подобном обращении, он мог бы рассчитывать как минимум на увесистую пощёчину. Впрочем, давайте спишем беспардонность на казарменное положение автора стихов, и добавим несколько слов о самом стихотво-

рении. Оно ещё наполнено славянизмами, которые заметно утяжеляют слог и игривое содержание

57

стихотворения от этого безусловно теряет во впечатлении.

Эта ранняя работа Пушкина на практике показывает нам то, против чего карамзинисты боролись с шишковистами: они боролись за элегантный инструментарий в деле выражения развитых человеческих чувств, которого на тот момент в отточенном виде русская литература не имела, но добавим: трудами ярких её мастеров – не только Пушкина, – вырабатывала!

Другое дошедшее до нас стихотворение этого периода, написанное классическим гекзаметром – «Несчастье Клита», стихотворение полупародийное, полное добродушного меткого юмора. Это эпиграмма на Кюхельбекера, не очень удачливого лицейского поэта, товарища Пушкина, над которым он постоянно, но беззлобно подтрунивал. Кюхельбекер был поэтически одарён, но в отличие от Пушкина, не гениален. Пушкин ощущал своё безусловное стихотворческое превосходство, и Кюхельбекер его ощущал, поэтому если и обижался на Пушкина, то не злился, хотя чувство собственного достоинства не позволяло ему как-то унижаться и лебезить перед Пушкиным – Кюхельбекер, несмотря ни на что, предпочитал сохранять дистанцию. Печататься он, кстати, тоже начал, будучи ещё лицеистом в 1815 году – вскоре после Пушкина.

И ещё об одном стихотворении этого же, 1813 года мы не можем не поговорить. Оно называется «Двум Александрам Павловичам» и посвящено помощнику лицейского гувернёра Зернову и императору Александру. Стихотворение короткое и хлёсткое, в нём Пушкин замечает, что ненавидимый лицеистами за подлость помощник гувернёра Зернов и император оба хромают – воспитатель на ногу, а царь – на голову, а дальше поэт говорит о том, что у обоих его героев сломаны носы – у Зернова на кухне, а у царя – под Аустерлицем. Фактически, юный поэт называет царя душевно нездоровым человеком и определяет причину его нездоровья – тяжёлое военное поражение 1805 года. Мы не будем далеки от истины, если назовём эти строки жёсткой политической сатирой – так оно на самом деле и было. Хороша ли эта сатира – пусть каждый читатель этой книги рассудит для себя сам – ведь именно для того, чтобы он имел для этого возможность, мы и даём в нашей книге широкий исторический фон.

Мы уже говорили с Вами о том, как близко к сердцу восприняли лицеисты события войны 1812 года, как они наблюдали за уходом гвардии на войну и как читали и обсуждали с профессорами военные новости. Но газеты и профессорские объяснения не были единственным источником информации, которой питались юные сердца и умы! Не забывайте, дорогой читатель, о месте, в котором находился Лицей – он находился в императорском дворце – абсолютном средоточии всех более-менее важных новостей и сплетен тогдашней России.

Пушкин с детских лет всегда имел очень чуткий слух к тому, что говорят взрослые и всегда старался это понять. Новости и сведения, передаваемые одним взрослым человеком другому, часто становились предметом его детского сознания. Это свойство, как весомая часть природного любопытства сохранилось и развилось у него и в юности. Жизнь на дворцовой территории, общение с аристократическими сверстниками, много знающими из первых рук о характере и образе жизни верхушки общества и первых лиц государства, периодическое неформальное общение с придворными людьми самых различных рангов формировали у каждого лицеиста личное конкретное отношение к носителям высшей государственной власти вообще, и к императору в частности. Персоны императора и окружавших его людей не были для лицеистов красивой картинкой из книги – они знали этих людей живыми, и в отличие от подавляющего большинства провинциалов знали о том, что на императорском солнце есть пятна

58

и даже представляли конкретную форму некоторых конкретных пятен.

Одни лицеисты больше интересовались недостатками императора, другие – меньше, третьи – вообще почти не интересовались. Пушкин принадлежал к числу первых, и конечно он знал о причастности царя к отцеубийству, знал о болезненном для всех русских поражении под Аустерлицем, знал о негативном отношении значительной части русского общества к Тильзитскому миру, подписанного Александром под давлением обстоятельств предыдущего военного поражения, ну, и безусловно Пушкин знал о непонятном для многих и внешне депрессивном поведении Александра в Петербурге в первый период войны 1812 года. А вот молитвенные труды императора, конечно, были не известны юному поэту, как они были малоизвестны всему обществу, и, положив руку на сердце, мы можем предположить, что узнав Пушкин тогда о молитвах царя, особенно в присутствии Кошелева и Голицына, это скорее всего стало бы лишь поводом для новой эпиграммы.

Итак, Пушкин весьма зло и ехидно вывел мозговую болезнь императора из его поражения под Аустерлицем. Вершиной поэзии это произведение конечно не является, но в нём есть ясность мысли, беглость стиха, образность речи и, конечно, захватывающая дух смелость содержания. О чём говорит эта самая смелость? О бесшабашном характере автора, о вольности нравов в лицее – не будь у этого стиха потребителя, он бы мог и не родиться, и уж точно не дошёл бы до нас. Мы в этом случае впервые сталкиваемся с Пушкиным, стремящимся выразить некое общественное мнение – вряд ли он сам тогда додумался о связи некоей головной боли императора и его дальнейшего поведения с его аустерлицким поражением. Эта мысль вполне могла быть высказана в какой-нибудь компании неглупым и наблюдательным человеком. Наверняка кто-то не раз посмеялся при Пушкине над нерешительностью царя и над его непонятными кому-то действиями, но стихи – не философский трактат, стихи – это эмоциональный посыл, могущий быть и ударом, Пушкин всегда, в отличие от многих своих собратьев-поэтов, знал это, в посвящении двум Александрам Павловичам добавил градуса салонным размышлениям, и осознанно довёл их до грани приличия – только при таком подходе он мог рассчитывать на яркий эмоциональный эффект от чтения этих своих стихов. Наверняка он тогда делал это не вполне сознательно, но абсолютно квалифицированно, что, кстати, и свидетельствует о его раскрывающейся гениальности.

Можно не сомневаться в том, что стихи эти понравились не всем, но Пушкин за них никогда прямо наказан не был, а это косвенно говорит о том, что внутренняя идея стихов многим пришлась по сердцу. Мы же от себя обратим внимание вот на что: главы этой книги, посвящённые императору Александру в некоторой степени подтверждают мысль о том, что аустерлицкое поражение тяжело далось русскому государю, но это поражение в числе других его личных драм вело царя к поиску духовного выхода из навалившего на него вала государственных и личных обстоятельств. Скажем ещё раз: был ли император тем, кого лихо и задорно высмеивал юный стихотворец на время написания стихов – судите сами.

Пушкин в первые годы в лицее писал много и постоянно, он постоянно задумывал какие-то крупные вещи и пытался свои задумки реализовывать. О его планах в этом направлении мы можем только догадываться из косвенных свидетельств его приятелей, многое было начато, почти ничего не было закончено. В частности, известно, что он писал роман в прозе «Цыган», вместе с Яковлевым – пьесу, а потом сам – ещё одну пьесу, но уже в стихах. Все эти незаконченные вещи он в итоге уничтожил, но труды были не напрасны – великий корабельщик, когда играя, когда мучась, учился строить свои корабли. Иногда эта

59

стройка принимала весьма неоднозначный, а то и непристойный вид.

В 1813 году Пушкин написал небольшую поэму «Монах». Сюжет им был, видимо, взят из довольно широко известного жития одного из новгородских святых. Этот святой боролся с дьявольским искушением, победил лукавого и потребовал его за это свозить в течение одной ночи в Иерусалим и обратно. Дьявол согласился, но в ответ потребовал, чтобы тайна поездки

была монахом сохранена. Монах впоследствии тайну по неосторожности раскрыл пред людьми и за это претерпел новые нападения лукавого, которые ему потом пришлось стоически выдерживать.

Пушкин подошёл к делу творчески и вполне в вольтерьянском духе на трёх страницах описал мучения старого монаха в борьбе с ночным дьявольским искушением в виде женской юбки, а потом ещё и сладострастного видения. В конечном итоге монах в стихотворении преодолевает дьявольские козни и ловит дьявола, заставляя его везти себя в Иерусалим. Всё заканчивается доброжелательным и морализаторским предупреждением Пушкина некоему другому абстрактному монаху об опасности путешествий куда-либо на чертях.

Понятно, что мораль в этом сочинении вполне французская и лукавая – всякий читатель сразу чувствует, что сама небольшая поэмка написана не ради морали, а ради описания сцен эротических искушений и ради фривольных авторских отступлений и комментариев, и хотя сама мораль написана легко и непринуждённо, она выглядит немного вынужденным довеском к самому произведению. Объективно оценивая эту пушкинскую работу нельзя не обратить внимания на лёгкость пера четырнадцатилетнего автора в ту пору, когда русская словесность ещё куда как была тяжела на словесный подъём. Фривольность темы и простонародность персонажа дали Пушкину возможность предельно упростить речевую структуру поэмы, и он этой возможностью отлично воспользовался.

Не можем, однако, без прискорбия сказать о том, что в качестве героя юным автором по живо воспринятой им французской традиции был выбран именно монах. Поэт в какой-то момент признаёт, что «далёко занесло уже меня противу рясок рвеньё...» Стоило ли писать в таком духе о монахе в стране, в которой в это же время преподобный Серафим Саровский в затворе молился о судьбах Русской земли, и в которой уже готовились к своему вековому по продолжительности подвигу оптинские старцы? Жаль, но юного поэта в то время не интересовали действительные судьбы русского монашества и он предпочёл сделать на него вольную сатиру. Кстати, один из его лучших лицейских приятелей, князь Горчаков, всячески уговаривал Пушкина никому поэму не показывать, и сумел добиться в этом своём стремлении частичного успеха.

Продолжая эту же тему, мы должны поговорить ещё об одном пушкинском произведении того же периода – это поэма «Тень Баркова». Сюжет поэмы заключается в том, что несколько человек, и в том числе поп-расстрига, приходят в публичный дом, и там бывший священник перед проституткой в какой-то момент оказывается недостаточно состоятелен в половом смысле. Он расстраивается, расстраивается проститутка, но тут попу является некая тень, которая говорит ему, что он должен ей петь хвалу на всех углах, и у него всё будет в постели хорошо. Поп спрашивает тень о том, кто она. Тень отвечает, что она – тень Баркова. Поп внимает совету, мастерски разбирается с проституткой и идёт по свету славить Баркова, с великим успехом между делом удовлетворяя множество разных женщин. В итоге поп приходит в монастырь, где его хитрым и злобным образом принуждает к половому сожителству старая противная игуменья. У попа постепенно развивается импотенция, но снова приходит тень Баркова, спасает

60

его от игуменьи и возвращает мужскую силу. Такой вот вкратце сюжет.

Юный Пушкин нередко поминал Баркова, и в своих стихах – в том числе. Барковские лавры до поры явно обращали к себе его внимание и также явно не давали покоя. Наверняка поэтому поэму, о которой мы тут говорим, он написал матерным языком. Поэма написана бойко и легко – тут автор безусловно преуспел. По части сюжета говорить ничего не будем – он безоговорочно навеян идеологией французского Просвещения, а вот для русской почвы тема, может быть, была не лишена оригинальности, только вот цена этой оригинальности имела

сомнительный оттенок – мало кто из тогдашних литераторов рискнул бы работать в поэтическом жанре в таком направлении.

Герой сатирической поэмы – опять лицо духовного звания, священник, пускай и расстрига, неизвестно – разочаровавшийся ли в вере, или изгнанный из своего сословия за преступления – мы не знаем. Идём дальше. После получения дара потрясающей мужской силы он идёт по свету, воспевая тень Баркова, и вступая в контакты где попало и с кем попало, а в итоге приходит не куда-нибудь, а именно в женский монастырь, где по взаимному согласию (а как же иначе?!) удовлетворяет и молодых монашек и почтенных на вид стариц, ну а дальше своей похотью его изводит игуменья.

Какое же наказание претерпевает преступник? Никакого. Какова позитивная мораль этой вещи при несомненных поэтических достоинствах? Никакой.

Банальное мирское мышление, замыкающееся на том, что монастыри полны сексуально озабоченными и несчастными людьми, только и думающими о том, как удовлетворить свою похоть, торжествует в этой поэме. О гомерической пакостной хуле на церковь просто не будем здесь распространяться. Что может вызвать чтение такой вещи у недалёкого читателя? Блудные мыслишки и бездумное ржание. Можно ли получить некую популярность, сочиняя такие вещи? Можно. Нужно ли наказывать человека, если он распространяет такие идеи и вещи в обществе? Желательно. Если Бог есть, накажет ли он за такое отношение к своим установлениям? Накажет, если нарушитель не покается. Был ли наказан Пушкин людьми за эту поэму? Нам о том ничего не известно. Был ли наказан Богом Пушкин ещё в лицее за хулу на церковь? Это нам тоже не известно. Может и был – не известным нам образом. Понял ли наказание? Мог и не понять. Мой хороший знакомый рассказывал мне как-то о том, как его за не очень большую глупость в семнадцать лет Господь внятно проучил в девятнадцать, а то, что это было Божье определение, он понял почти в сорок, и у каждого из нас есть похожая личная история. Чего же нам тогда требовать от Пушкина, если мы и сами не слишком понятливы насчёт наказаний в свой адрес?..

Теперь немного о матерных словах, которыми полна «Тень Баркова».

Давайте немного вспомним собственное детство, проведённое нами во дворах, в том числе – и с не вполне однозначными сверстниками. Давайте вспомним свою первую реакцию на дворовую матерщину, услышанную и осознанную нами, и последующую реакцию на неё. Если сначала для многих из нас эти слова были отвратительны, то потом, на определённом этапе они стали признаком взрослости. Как часто мы матерились, мужая при этом в собственных глазах, и как часто считали маленькими или маменькиными сынками тех, кто материться в нашем присутствии не хотел, или не мог. И ведь немного было среди нас тех, кто осознанно сопротивлялся матерщине, и ещё меньше – тех, кто при этом сохранил уважение среди дворовых сверстников.

Пушкину был интересен мат по нескольким причинам. Мы с Вами уже говорили о том, что он, как и некоторые другие его лицейские товарищи, стремился выделиться особым образом из общего числа и стремился первенствовать,

61

там, где считал это важным для себя. Так вот, широко используемый в речи мат давал Пушкину то же преимущество перед сверстниками во взрослости, которое ему давала начинанность эротической французской литературой – ведь вся матерщина замешана на грубом и брутальном сексизме. Подростковый пушкинский циничный сексизм поэтому замечательно уживался с его же матерной бытовой и поэтической лексикой.

Кроме этого, мат был интересен Пушкину, как часть русского простонародного языка, как способ выражения чувств и эмоций, как часть его литературной кухни в некотором роде. Кто же учил Пушкина мату? Его учителями по части эротики были французские книги и острый слух, который он включал во время разговоров взрослых в московских гостиных, а учи-

телями по части мата были простые русские люди, с которыми он всегда очень легко сходилась, начиная с первого лета в подмосковном Захарово, где он сразу же подружился с поваром, а потом – и со многими остальными дворовыми парнями и девушками – мы говорили об этом.

С самого начала пребывания в лицее он в свободное время очень легко знакомился и часто помногу говорил с простыми служителями окружных императорских заведений, узнавая для себя множество интересных житейских дворцовых подробностей, и проходя при этом ещё и школу живого родного языка, неизбежной частью которого были ругательства и мат. Мы же попутно по ходу нашего повествования заметим, что ведь до сих пор в русском литературном языке нет цензурного слова, обозначающего мужской половой орган. Согласитесь, что слово «член» слишком многозначно для обозначения вполне конкретной мужской принадлежности. После этого скажите, как быть писателю, желающему описывать участие этого органа в каком-либо жизненном процессе? Нелёгкая задача! Пушкин же, ревнуя к успеху Баркова, который, кстати, тоже стал одним из главных его учителей в области мата, со всем жаром юности бросился показывать окружающим свои успехи на немного сомнительном поприще. На наше общее счастье, пушкинский талант оказался много шире барковского, и юный поэт не заикнулся на немного похабной тематике.

Лицейсты регулярно издавали свои собственные журналы, в которых, помимо прочего, писались так называемые «лицейские национальные песни», в которых в стихотворной форме подмечались разные человеческие черты и чёрточки самих же лицейстов. В одном из лицейских журналов того времени есть такие строки:

А наш француз
Свой хвалит вкус,
И матерщину порет...

От острых мальчишеских глаз не ускользнуло стремление Пушкина к признанию, к славе. Мы несколько раз говорили о том, что Пушкин стеснялся демонстрировать напоказ своё углублённое понимание некоторых серьёзных процессов, но что касается тонкостей стихосложения, особенностей ритмики стиха, образности выражений и сравнений – тут он был очень строгим критиком своих соучеников, почти всех без исключения пробовавших писать хоть какие-нибудь стихи. Товарищи-лицейсты не могли не признать в большинстве таких случаев пушкинской правоты, а тут – «Тень Баркова»! И ведь можно не сомневаться, что эта поэма была не единственным опусом матерного содержания, вышедшем из-под пушкинского пера в ту пору!

В строках лицейского журнала, которые мы только что привели выше, сквозят мягкий юмор, косвенное признание поэтического мастерства, добродушная критика самоуверенности и неприятие связи истинного вкуса и матерщины и всё это, заметьте, в трёх строках! Попробуйте после этого сказать, что лицейские товарищи Пушкина были к нему несправедливы? Он ведь по прошествии двух

62

лет лицея не стал терпимее к другим, не стал более тактичен, выдержан и тому подобное – просто, его все лучше узнали и старались принимать таким, каков он есть, даже в том случае, если кому-то «Тень Баркова» казалась чем-то довольно гадким – несомненно, в лицее были и такие люди.

«Тень Баркова» пусть не очень широко, но распространилась за пределами лицея и стала известной определённом числу читателей. Пушкин поначалу отрицал своё авторство, и приписывал поэму П.А. Вяземскому, но когда он убедился в известности сочинения, то вскоре признался и в авторстве, так что, если Вы спросите меня, почему, к примеру, тот же Горчаков, помешавший распространению «Монаха», не помешал распространению «Тени Баркова» – вот Вам ответ: Горчаков поначалу не мог знать, кем эта самая поэма написана, потому и не вмешался.

Глава седьмая.

Прекрасный призрак совершенства

Сердечно зримый идеал...

Начало 1814 года прошло в атмосфере ожидания скорого конца войны в Европе. 18 марта началась финальная часть битвы за Париж, а уже 19 марта всё стало ясно. Париж сдался победителям, которые с императором Александром Первым во главе торжественно вступили на центральные улицы города.

Не успели лицеисты порадоваться этому выдающемуся событию, как их поразило событие другое, на этот раз – трагическое: 23 марта умер директор лицея Василий Фёдорович Малиновский, умер он рано, сорока девяти лет, похоронив за два года до того свою горячо любимую жену, мать его шестерых детей. Смерть Малиновского стала значительной потерей для лицея. Малиновский был добр, скромен, ненавидел лицемерие. В его личных бумагах есть такая запись: «Войну объявить лицемерию. Ценить выше малое внутренне добро против великого наружного, и пятак медный выше фальшивого рубля и червонца». Почти все лицеисты, были частыми гостями дома Малиновского, где за чаем велись добрые беседы с самим директором и его близкими.

И вот теперь Малиновского не стало. Кроме того, что он был директором лицея, в котором учился Пушкин, он ещё был и отцом одного из лучших друзей Пушкина. Поэт был на похоронах своего учителя и там на его могиле они с Малиновским-сыном принесли друг другу клятву в вечной дружбе, которую оба с честью выполнили. Младший Малиновский почти ничем не походил на своего тонко организованного отца. Это был крепкий, весёлый, физически развитый парень. Он был старше Пушкина на четыре года, и реакция на пушкинский циничный юношеский эротизм была естественной частью его живой физической природы. Пушкинские шуточки насчёт женского пола и отношений особого рода вызывали у Малиновского весёлую и живую реакцию. Он очень любил своего младшего друга и в лицее часто бывал активным соучастником всяческих пушкинских проделок.

После смерти Малиновского, по словам самого же Пушкина, началось «безначалие». Обязанности директора время от времени выполняли самые разные люди, но дольше остальных эту функцию выполнял преподаватель немецкого языка Гауершильд – малопримечательная сама по себе личность. Лицеисты в определённой степени оказались предоставлены сами себе, и это отразилось на многих направлениях их общей и личной жизни.

Пушкин в это время жил, так как уже привык к тому времени жить, одновременно при этом пользуясь увеличившейся после смерти Малиновского

63

безнадзорностью – понятно, ни в коей мере не абсолютной, поскольку закрытости учебного заведения и общих его порядков никто не отменял. Как и раньше, продолжались мелкие периодические стычки с соучениками и преподавателями, которые, заметим, чем дальше, тем больше предпочитали не вступать со своим учеником в открытую конфронтацию, опасаясь его эпиграмм в свой адрес, и с удовольствием читая пушкинские же эпиграммы на учителей-коллег.

Мы говорили с Вами о том, что Пушкин был находчив, этим свойством он был в отца, но он не был Сергеем Львовичем, он был Александром Сергеевичем, он был ещё и сыном своей матери, очень горячей и одновременно часто замыкающейся в своих бурных эмоциях женщины. Эта замкнутость была такой же чертой Пушкина, как и всем известная его горячность – нами об этом было сказано раньше, и будет сказано ещё не раз. Соученики Пушкина, зацепившие его, и не получившие мгновенной острой отповеди, могли не сомневаться в том, что ответная месть непременно состоится – Пушкин старался долгов не забывать. Если мгновенная находчивость изменяла ему, он, обиженный, но не отмщённый, искал возможность уединения, и там со временем находил способ излить свою жёлчь на бумагу, а потом искал повода выставить бумагу с записью на всеобщее обозрение.

Понятно, что упражнения в составлении эпиграмм составляли далеко не главную часть его жизни. Он много писал, писал по самым разным поводам, задумывал крупные вещи, начинал их, и вскоре забрасывал, писал ничего не значащие экспромты на сиюминутную потеху. Эти экспромты часто вызывали восхищение и через пять минут забывались, но гений Пушкина шлифовался и в них. Все лицеисты видели, как часто Пушкин стремился уединиться и с обгрызанным пером в руках погружался в писание, от которого его было тяжело оторвать, и все видели, что лёгкие стихи иногда рождаются у него как будто бы просто так, а иногда такие же лёгкие стихи становятся плодом его упорного сидения над листом бумаги.

4 июля 1814 года произошло важнейшее событие в истории русской литературы – в тринадцатом номере «Вестника Европы» было напечатано стихотворение Пушкина «К другу стихотворцу». Стихотворение адресовано лицейскому товарищу-поэту В.К. Кюхельбекеру и как бы содержит в себе советы более опытного стихотворца более молодому. Послание написано легко, полно добродушного юмора, в нём совсем немного славянизмов. В какой-то степени оно является программным для молодого автора, поскольку он в своих стихах несмешливо и задорно критикует знаковых поэтов старой школы, одновременно указывая путь развития, который импонирует лично ему. В стихотворении нет никакой навязчивости, дидактики, и почти в самом конце его есть живо описанная встреча деревенских мужичков с пьяным священником, который вечером на улице в ответ на недоумённые вопросы своих прихожан советует делать их житейские дела по его, священника, церковным проповедям и не повторять при этом его не вполне церковных поступков.

К сожалению, юный Пушкин в качестве своего очередного юмористического объекта снова выбрал священника, но надо признать, что немудрёная бытовая сценка немало оживляет и так не перетяжелённое стихотворение. Пушкина-поэта можно было поздравить с первым реальным успехом. «К другу стихотворцу» – ещё не творение гения, но хорошая заявка на будущий успех – это было очевидно всем читателям журнала, и им же сразу становилось ясно, что автор не остановится на достигнутом.

Пока в малом мире Пушкин совершал свой первый шаг в публичную литературу, в большом мире происходили немаловажные события. Русская армия

64

возвращалась домой из Европы и 27 июля 1814 года её торжественно встречали в Павловске. На встрече присутствовали и лицеисты. Пушкин по поводу события нарисовал остроумную карикатуру, которая изображала замешательство среди встречающих по поводу слишком узкой триумфальной арки, непоместительной из-за этого для едущего царя. Под карикатурой автор подписываться не рискнул, но она многим, видевшим её, понравилась. Заметим сразу, что встреча победителей проходила в атмосфере всеобщего ликования – страна встречала своих героев бурей восторгов.

Император Александр находился на пике своей славы и своего величия. Он был не просто победителем – он был главой коалиции победителей, её лидером. Победа в войне имела общесовременное значение – император так понимал итоги победы, и так оно было на самом

деле. Позор Аустерлица и Тильзита был бесповоротно смыт и забыт. Но теперь, после победы надо было закрепить её плоды и Александр, едва вернувшись в Россию, уже снова готовился к скорому выезду в Европу, в Вену, на конгресс, который должен был определить европейский, а значит, в большой степени мировой порядок на несколько ближайших десятилетий вперёд.

Под влиянием победы духовное мировоззрение Александра тоже претерпело важные изменения. В Москве, в июле 1812 года, среди могучей, вдохновлённой его присутствием русской толпы, он ощутил себя лидером православного царства. Именно тогда в его душе произошёл духовный переворот, который в итоге закономерно должен был постепенно привести его к православному мировосприятию, но дальнейший ход войны, переступившей пределы России в её обратном движении переменял внутренние посылы императора. Как всеевропейский победитель, он чувствовал невозможным для себя принадлежать одному православию и навязывать всем народам чисто православные понятия. Возникшее у него понимание русского народа, как народа христианского, царь распространил в своём сознании на все европейские народы, а если так, значит католик, лютеранин, протестант любого иного рода и православный христианин, озаряемые единым евангельским светом все вместе под руководством христианских венценосных правителей должны отныне сотворить благое дело установления европейского мира, а ему, Александру, в этом деле уготована роль верховного уравнивателя, любящего всех одинаково и потому – беспристрастного.

Сперва в этом миротворческом деле требовалось совершить политический передел послевоенной Европы, для чего царь и думал отправляться вскоре в Вену, а после этого надо было оформить некую духовную декларацию властителей, которая позволила бы всем христианским народам Европы жить в мире, покое и взаимном уважении – так мечтал Александр, к этому он стремился, но по прибытии в Россию его захватила круговерть местных задач и потребностей.

По представлению тогдашнего ректора Санкт-Петербургской духовной академии архимандрита Филарета (Дроздова), будущего выдающегося московского митрополита, и по предложению князя Голицына император подписал указ о реформе духовных училищ, в котором целью церковной школы было объявлено «образование внутреннего человека». В этом указе перед будущими священниками ставилась задача внушения пастве живого и твёрдого личного убеждения в спасительных истинах веры. Единственной целью училищ указ провозглашал «внутреннее образование юношей к деятельному христианству». Древний латинский девиз «*rectus est quod facit theologum* (сердце образует богослова)» ставился отныне во главу духовного образования, в котором знание богословских предметов и устава церковной службы должно было

65

неразрывно связаться с сердечной верой.

Задачи, сформулированные в императорском указе, на первый взгляд настолько просты и очевидны, что не нуждаются ни в каком бумажном оформлении, но сама необходимость издания такого документа и предшествовавшая ему борьба за оформление указа говорят о том, в каком бедственном положении находилось в то время дело духовного образования в России. Мы с горечью должны признать, что если «Тень Баркова» была очевидной клеветой на духовное сословие, то довольно добродушная шутка из пушкинского послания «К другу стихотворцу» была не так далека от истины, как нам того хотелось бы.

В сентябре 1814 года император выехал в Вену на конгресс, который в общем продлился по июнь следующего, 1815 года. Понятно, что не всё это время прошло в бесконечных заседаниях. В работе конгресса были длительные перерывы, во время которых государственные деятели возвращались в свои страны, но так, или иначе, международные дела в эти месяцы отнимали значительную часть жизни царя.

В это же время литературные успехи юного Пушкина получили новое подкрепление – в четырнадцатом номере «Вестника Европы» было напечатано его стихотворение «Кольна», написанное в подражание Оссиану, древнему кельтскому поэту.

В середине восемнадцатого века английский поэт Макферсон издал несколько поэм, якобы принадлежащих Оссиану, и переведенных им, Макферсоном на современный английский язык. Оригинальных оссиановских текстов Макферсон предъявить никогда не смог и большинство исследователей обвинили его в мистификации. Популярности оссиановской поэзии в исполнении Макферсона это не повредило, и она нашла себе множество последователей в разных странах, в том числе и в России. В «Кольне» и ещё трёх написанных одновременно с нею стихотворениях – «Эвлега», «Осгар» и «Гараль и Гальвина» Пушкин отдал дань своему короткому увлечению мотивам Оссиана. Будем откровенны – это не лучшие его произведения. Для того, чтобы каким-то образом передать дух древности в своих стихах поэт был вынужден использовать множество славянизмов, что ощутимо утяжелило саму конструкцию стихов и затруднило передачу тонких чувств, которые попытался изобразить поэт. Пушкин сам почувствовал бесперспективность этого направления для своего творчества, и больше не возвращался к пройденному им оссианическому опыту.

Мы с Вами на этих страницах вынуждены много говорить об эротической составляющей в личности Пушкина, активно переходящей в его творчество. Заметим при этом, что при показном циничном подходе поэта к вопросам интимной жизни, он сам он в это время безусловно личного опыта половых отношений не имел, то есть, был девственником – о чём явственно говорят строки его произведений этого времени, во многих из которых возникает образ Хлои, из чего логически следует, что автор ассоциирует себя с Дафнисом. Напомню Вам, что Дафнис и Хлоя – влюблённые друг в друга чуть ли не с детства герои одноимённого древнегреческого пасторального романа, очень долгое время ничего не знавшие о физической сущности интимных отношений. Таковы, в частности, стихотворения «Опытность» и «Блаженство» (опубликованные тогда же, в 1814 году в девятнадцатом и двадцатом номерах журнала «Вестник Европы», имевшем, как Вы помните, честь вообще открыть нам Пушкина). О том же самом свидетельствуют «Леда», «К Наташе» и другие стихи юного поэта.

Энергия Пушкина и его растущих в прямом смысле этого слова товарищей не могла сдерживаться только при помощи писания стихов, украшения лицейских

66

журналов и физических упражнений – она требовала выхода и находила его во всяческих историях, которые периодически происходили в лицее. Так, в сентябре 1814 года несколько лицеистов, раздобыв рому, сахару и яиц устроили «гогель-могель». Надзиратели почуяли неладное, и по одному из не в меру развеселившихся лицеистов установили факт, как теперь бы сказали «употребления спиртных напитков». Тогдашний временный руководитель лицея дело на тормозах спускать не захотел, и оно дошло до министра просвещения графа Разумовского, который вдруг лично пожелал во всём разобраться. Для этого Разумовский даже приехал в лицей. Желая максимально ограничить число пострадавших, всю вину на себя взяли Пущин, Пушкин и Малиновский, «казак лихой», сын покойного директора лицея. Виновников, в конце концов, решили из лицея не отчислять, заставили их две недели молиться утром и вечером на коленях, переместили их за обеденным столом на дальние места и записали фамилии в черную книгу, чтобы учесть проступок при выпуске из лицея. По окончании лицея книгу открыли, увидели, что там значатся только эти три фамилии и решили преступникам давнего греха не помянуть. Тем всё и кончилось.

Не знаю, дошла история с гогелем-могелем до родителей поэта, но данных о каком-либо участии Сергея Львовича в последствиях этого дела нету. Сергей Львович после переноса военных действий в Европу был назначен начальником Комиссариатской комиссии резервной армии в Варшаву. Там он неплохо исполнял свои служебные обязанности, привычно сочетая их

с чтением французской литературы и приятным общением с людьми своего уровня. Находясь в Варшаве, в июле 1814 года, Сергей Львович вступил в масоны, в ложу «Северного щита». Для того чтобы стать полноправным членом ложи он должен был пройти четыре предварительных степени. Забегая вперёд, скажем, что он все их прошёл и в октябре 1817 года был присоединен к членам ложи. Интересно, что в январе того же, 1817 года он вышел в отставку в должности чиновника 5-го класса, что соответствовало званию статского советника, а на военный теперешний лад было чем-то средним между генерал-майором и полковником. Не знаю, для чего Сергею Львовичу нужно было становиться масоном – может быть, для того же, для чего масоном становился и его брат Василий Львович, но очевидно, что в тогдашней России принадлежность к какому-либо масонскому обществу становилась серьёзным подспорьем в делах продвижения по службе и занятия определённого общественного положения.

Нам точно не известно, когда Сергей Львович после своего пребывания в Варшаве поселился в Петербурге, но в стихотворении Пушкина, обращённом к сестре, есть упоминание о том, что она находится на невских берегах, что говорит о пребывании семьи поэта со второй половины 1814 года в столице, хотя возможно, и не в полном составе. О частых встречах лицейского Пушкина с домашними мы почти ничего не знаем – у поэта нет ностальгических замечаний об этом, но сам Сергей Львович в воспоминаниях о сыне пишет о своём присутствии на торжественном обеде в лицее после знаменитого чтения юным Пушкиным «Воспоминания о Царском селе» на переводном лицейском экзамене в январе 1815 года и о беседе с Разумовским и Державиным о будущем его сына. При этом, по словам отца Пушкина, Разумовский будто бы похвалил стихи, но заметил: «Я бы, однако, желал образовать сына Вашего в прозе», на что Державин с жаром ответил: «Оставьте его поэтом».

Когда пишут о Пушкине, всегда вспоминают это его выступление на лицейском экзамене. Не нарушим традиции и мы, и напомним читателю, что знаменитое стихотворение было написано по предложению профессора русской словесности

67

Галича специально для этого случая. На экзамене должны были присутствовать министр просвещения Разумовский, первый русский поэт того времени Державин и другие высокие гости. Перед экзаменом проводилась репетиция, которую Пушкин успешно выдержал, а сам экзамен и реакция Державина на выступление своего юного наследника описаны многократно и мы не будем тут на эту тему повторяться. Заметим лишь, что стихотворение весьма мастерски стилизовано под манеру стихосложения самого Державина с использованием большого количества славянизмов. Немного парадоксальным подтверждением справедливости державинского восхищения Пушкиным будет тот факт, что после этой работы Пушкин больше никогда не писал стихотворений с акцентом на славянизмы – ко времени выступления в лицее, несмотря на юный возраст, он уже твёрдо встал на собственный путь развития, и Державин это почувствовал – иначе бы не восхитился своим юным наследником. Вскоре стихотворение было напечатано в четвёртом номере журнала «Российский Музеум», который в течение наступившего 1815 года взялся регулярно печатать произведения новой растущей поэтической знаменитости, и по итогам года напечатал почти всё, что Пушкин решил им предложить,

А первой публикацией в первом номере «Российского Музеума» было стихотворение «К Батюшкову». В нём Пушкин обращался к старшему собрату по лире с призывом вернуться к поэтическим трудам, от которых Батюшков отошёл по причине начинавшей терзать его в ту пору душевной болезни, в итоге и приведшей его к печальному концу. Пушкин, понятно, ничего этого, сидя взаперти, знать не мог, и написал послание немного в игривом, но весьма дружественном тоне. Батюшков всё понял предельно правильно, и уже в феврале приехал в лицей специально для того, чтобы познакомиться с автором адресованного ему послания. Во время этой встречи Батюшков посоветовал Пушкину обратиться к более серьёзным темам в поэзии, видимо, намекая и на более серьёзный подход к жизни вообще. В ответ на это Пуш-

кин написал ещё одно послание к Батюшкову, в котором почтительно, но уверенно отстаивал своё право на некое легкомыслие в стихах, как следствие легкомыслия в жизни. Это послание «Русский Музей» напечатал в шестом номере.

Между тем за два дня до выступления Пушкина в лицее, 6 января 1815 года император Александр издал рождественский манифест, который был вывешен и прочитан во всех церквях Российской империи. В манифесте царь давал народу торжественное обещание «Принять единственным ведущим к благоденствию народов средством правило почерпнутое из словес и учения Спасителя нашего Иисуса Христа, благовествующего людям жить, аки братьям, не во вражде и злобе, но в мире и любви». Для императора это были не пустые слова, он действительно хотел положить учение Иисуса Христа в основу жизни вверенного ему государства и отношений между государствами вообще, но, объективно говоря, эта задача превышала реальные человеческие силы. К сожалению, манифест был воспринят большинством его читателей как красиво написанный текст, а не как руководство к действию. Искренняя религиозность Александра воспринималась многими царедворцами как некая своеобразная временная форма общения, и кое-кто в этой форме общения умело лицемерил и преуспевал, а кое-кто в сторонке иронизировал по поводу всего происходящего. До лицеистов, в силу положения их школы, тесно контактировавших с дворцовой верхушкой не могли не доходить нюансы придворной жизни, а поскольку молодость закономерно склонна к поверхностному взгляду на вещи, иронические оценки деятельности императора легко находили почву для восприятия.

Вскоре после издания рождественского манифеста царь продолжил своё

68

участие в Венском конгрессе, разделяясь между постоянными выездами в Европу и необходимостью пребывания в России по делам внутреннего управления. Конгресс завершился 9 июня 1815 года. По его итогам каждый из победителей Наполеона получил свою долю – Россия и Пруссия в очередной раз поделили на взаимовыгодных условиях Польшу, а Австрия вернула себе Галицию, Тироль и итальянские провинции. Впечатление от успеха у Александра было немало подпорчено стодневым возвращением Наполеона к власти, произошедшее как раз во время финальной части конгресса, а победа англо-прусских войск над французами при Ватерлоо 18 июня 1815 года, достигнутая без участия русских, лишала Александра части ореола победителя в войне. Всё это, однако, не меняло его мистического настроения и не лишало его авторитета среди европейских правителей того времени.

Александром владела идея создания Священного союза европейских государей, целью которого было бы устранение самой возможности военных столкновений между государствами. По инициативе русского императора 14 сентября 1815 года был подписан трактат братского и христианского союза во имя Пресвятой и Нераздельной Троицы. Трактат первоначально был подписан Россией, Австрией и Пруссией, но впоследствии к нему присоединились все монархии континентальной Европы, за исключением Папы римского и турецкого султана. Это объединение и вошло в историю под названием Священного Союза. Все монархи, вошедшие в союз, обязывались служить «высоким истинам, внушаемым законом Бога Спасителя, управлять своим народами, как отцы семейств и “руководствоваться не иными какими-либо правилами, как заповедями сея святыя веры, заповедями любви, правды и мира”.

Сам трактат по предложению Александра был подписан в день Воздвижения креста Господня, что дополнительно должно было свидетельствовать о важности события. По мнению императора, он и его сподвижники снова символически воздвигали крест Христов над погрузившимся в гибельную пучину миром.

Печально, но искренним участником Священного Союза, свято верившим в его принципы, был только один человек – император Александр. Австрийский и прусский монархи изначально видели в подписываемом ими трактате обычную, ни к чему не обязывающую моральную декларацию, хотя впоследствии и они (особенно австрийцы), и другие участники

союза на протяжении нескольких десятилетий использовали механизмы союза для достижения различных конкретных и далеко не всегда высоких политических целей. Рыцарское служение идеям союза всегда демонстрировала только Россия – сначала под рукой Александра, а затем – под рукой его брата, Николая Первого, обычно не имея от этого никаких выгод, а часто – даже наоборот, отказываясь от своих первостепенных интересов.

Выдающийся русский историк Платонов об этом пишет так: «Императором Александром I при совершении этого акта, руководил высокий религиозный порыв и искреннее желание внести в политическую жизнь умиротворенной Европы начала христианской любви и правды. Но союзники Александра, I особенности австрийские дипломаты (с Меттернихом во главе), воспользовались новым союзом в политических целях. Обязанность Государей всегда и везде помогать друг другу была истолкована так, что союзные Государя должны вмешиваться во внутренние дела отдельных государств и поддерживать в них законный порядок». Платонову в его мысли вторит другой известный историк, Керсновский: «С удивительной прозорливостью Россия спасала всех своих будущих смертельных врагов. Русская кровь проливалась за всевозможные интересы, кроме русских».

Сам Александр этого, к сожалению, никак предвидеть не сумел, и 25 декабря

69

1815 года трактат был торжественно зачитан во всех церквях и молитвенных домах Российской империи. Понятно, что при тогдашнем уровне грамотности он был встречен, как очередное внешнее благодушное излияние власти перед подданными и какого-то особенного отражения в мировосприятии людей не нашёл, да и не мог найти – что было русскому крестьянину и посадскому человеку до высоких европейских дел?

Император же должен был принять тот факт, что эпоха великих европейских движений его времени закончилась, и ему пора возвращаться к рутинным делам государственного управления и к делам духовного просвещения народа, которые он почитал своей теперешней первостепенной задачей, а сделать это ему было весьма не просто.

О величайших духовных делах в те дни думал не только русский царь – они, по счастью, вершились не только в столице на ниве Библейского общества. Старец Саровской обители, что в Нижегородской губернии Серафим в те же дни вышел из строгого затвора. Его житие повествует об этом так: «В 1815 году Господь по новому явлению о. Серафиму Пречистой Матери Своей повелел ему не скрывать своего светильника под спудом и, отворив двери затвора, быть доступным и видимым для каждого. Поставя себе в пример Великого Илариона, он стал принимать всех без исключения, беседуя и поучая спасению. Маленькая келия его всегда освещалась одной лампадой и возжжёнными у икон свечами. Она не отапливалась никогда печкой, имела два маленьких оконца и была всегда завалена мешками с песком и камнями, служившими ему вместо постели, обрубок дерева употреблялся вместо стула, и в сенях дубовый гроб, изготовленный его же руками. Келия растворялась для всех братий монастыря во всякое время, для сторонних – после ранней обедни до 8ч. вечера.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.